

20 Апрѣля.

№ 12.

1908 года.

Государственная  
БИБЛИОТЕКА  
СССР  
им. В. И. Ленина

*ПОЛТАВСКІЯ*

# Епархіальныя Вѣдомости.

*ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.*

## Церковь въ борьбѣ съ пьянствомъ.

Въ послѣднее время вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ получилъ, можно сказать, исключительную жизненность и, поставленный на ряду съ государственными политическими вопросами, не сходитъ со страницъ газетъ и журналовъ. Такое особое теченіе въ борьбѣ съ пьянствомъ началось съ того времени, какъ въ засѣданіи Государственной Думы 16 ноября 1907 г. народный представитель М. Д. Челышевъ указалъ на ужасное зло русской земли — отравленіе населенія водкой, виномъ и всѣми вообще видами алкоголя. На послѣдующихъ засѣданіяхъ Государственной Думы была образована особая коммиссія по борьбѣ съ пьянствомъ, подъ предсѣдательствомъ Епископа Митрофана, которая въ настоящее время занята разработкою касающихся сего вопроса законопроектовъ. По послѣднимъ газетнымъ сообщеніямъ, работами коммиссіи очень заинтересованы въ провинціи, откуда присылается въ коммиссію много писемъ и проектовъ.

Государственный Совѣтъ также обратилъ вниманіе на крайнюю необходимость отрезвленія народа. Здѣсь, между прочимъ, въ 8 засѣданіи III сессіи Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Псковскій, въ своей рѣчи указалъ на то, что дѣло отрезвленія народнаго, для большаго успѣха, должно быть передано общественнымъ организаціямъ подъ покровомъ церкви. Такія общественныя организаціи

мы видимъ въ тѣхъ обществахъ и братствахъ трезвости, которыя уже существуютъ при многихъ приходскихъ церквахъ и являются однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ для борьбы съ указаннымъ народнымъ бѣдствіемъ. „Сила этихъ обществъ, — по словамъ Архіепископа Арсенія, — въ томъ и заключается, что они для слабой воли пьяницы даютъ болѣе твердую опору въ борьбѣ, возводя эту борьбу на путь религіознаго подвига. Борясь съ этимъ зломъ, какъ зломъ нравственнымъ, разсматривая его какъ грѣхъ, эти общества побуждаютъ пьяницъ передъ Богомъ и передъ совѣстью дать обѣтъ или зарокъ воздержаться на нѣкоторое время или, быть можетъ, навсегда отъ этого порока. Въ соответствующей обстановкѣ, которую даетъ церковь и подъ ея благодѣтельнымъ воздѣйствіемъ, дающій обѣщаніе воздержанія отъ пьянства укрѣпляется мало по малу и, наконецъ, отстаеетъ совершенно отъ этого порока“.

Опредѣляя самый характеръ борьбы, который долженъ быть въ этомъ дѣлѣ, Архіепископъ Арсеній указалъ на дѣятельность существующаго въ С-Петербургѣ Александроневскаго Общества трезвости. Что это за общество и въ какихъ, главнымъ образомъ, направленіяхъ идетъ его дѣятельность въ борьбѣ съ великимъ народнымъ бѣдствіемъ, мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей. Впрочемъ, спѣшимъ оговориться, что мы не полагаемъ, что многимъ ничего неизвѣстно о полезной дѣятельности этого Общества. Дѣло въ томъ, что его дѣятельность въ борьбѣ съ пьянствомъ не ограничивается исключительно Петербургомъ и ближайшими къ нему мѣстами, широко поставленная издательская дѣятельность Общества, выпускающаго въ свѣтъ, кромѣ періодическихъ изданій, массу мелкихъ листовъ и брошюръ, широко и далеко разноситъ въ народъ идеи трезвости; многіе изъ членовъ его дѣлались ревностными апостолами трезвости, когда, уѣзжая на побывку домой, работали на пользу отрезвленія другихъ; въ разныхъ мѣстахъ возникали общества трезвости и вели борьбу съ пьянствомъ, по живому примѣру этого же Общества... Да и само Общество не ограничиваетъ своей дѣятельности тѣсными предѣлами той только территоріи, на которой оно такъ цѣлесообразно борется съ вѣковымъ недугомъ земли русской: глубоко заинтересованное дѣломъ народнаго отрезвленія, оно въ настоящее, на примѣръ, время занято вопро-

сомъ о созывѣ всероссійскаго съѣзда трезвенниковъ, когда для этого наступить благопріятный моментъ, чтобы вступить въ сношенія и объединиться съ другими обществами на общемъ св. дѣлѣ. Все это достаточно говорить за то, что объ Александро-Невскомъ Обществѣ трезвости не могутъ не знать многіе и за ближайшими предѣлами его дѣятельности. Но мы хотимъ сказать о немъ ради процвѣтанія самаго дѣла трезвости, полагая, что распространеніе свѣдѣній о характерѣ и направленіи дѣятельности Общества и ея результатахъ можетъ увеличить число сочувствующихъ святому дѣлу трезвости, можетъ вызвать новыхъ дѣлателей на эту жатву. А и объ такомъ увеличеніи числа доброжелателей дѣлу трезвости приходится подумать и пожелать его, потому что и здѣсь «дѣла много, а дѣлателей мало...

Почерпая нѣкоторыя данныя изъ имѣющагося у насъ „Отчета о дѣятельности Общества за 1905 и 1906 г.г.“, мы живо представляемъ обнаруженіе ихъ въ живой и сложной дѣятельности Общества по воспоминаніямъ, сохраняющимся отъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній: намъ лично пришлось видѣть, какъ въ первые годы своей жизни Общество постепенно развивалось и крѣпло и съ внѣшней стороны—въ смыслѣ количественнаго увеличенія членовъ и съ внутрѣнной—въ смыслѣ усиленія и расширенія воспитательныхъ средствъ воздѣйствія на народъ въ цѣляхъ отвлеченія его отъ пьянства и укрѣпленія воли тѣхъ, кто уже вступилъ въ ряды трезвенниковъ.

Возникло Общество въ 1898 г., по инициативѣ скончавшагося 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> года назадъ молодого священника, незабвеннаго о. Александра Васильевича Рождественскаго. Состоявшее первоначально изъ 150 членовъ, Общество съ теченіемъ времени больше и больше увеличивалось въ количественномъ отношеніи и въ настоящее время насчитываетъ въ своихъ рядахъ около 80 000 дѣлателей, борцовъ за трезвость и трезвенниковъ, борющихся съ своимъ порокомъ въ различныхъ стадіяхъ борьбы. Разрослась также съ каждымъ годомъ и просвѣтительная и благотворительная дѣятельность Общества. Одинъ рабочій—трезвенникъ такъ характерно обрисовалъ постепенный ростъ Общества: „Покойный о. Александръ посадилъ маленькій присадочекъ; думали: пойдетъ ли; почва была не особенно благотворная... Новое живое дѣло многіе встрѣтили несо-

чувственно, а нѣкоторые даже насмѣшкой. А вотъ видишь, въ какое дерево выросъ этотъ присадочекъ... и съ каждымъ годомъ на немъ все новые и новые побѣги"... Такой постепенный ростъ Общества не былъ обусловленъ какими либо искусственными приемами: онъ складывался самъ собою и какъ бы служилъ только посильнымъ отвѣтомъ на тѣ настойчивые запросы, какіе предъявляла жизнь.

Объединяющимъ центромъ дѣятельности Общества является Воскресенская церковь и домъ при ней возлѣ Варшавскаго вокзала, въ мѣстности, населенной преимущественно фабричнымъ людомъ. Здѣсь сосредоточена запись трезвенниковъ, устроена библіотека, складъ изданій Общества трезвости, коллекція чтеній со свѣтовыми картинами, издаются три журнала, организованы періодическія собранія съ выборными членами Общества, ведутся ежедневныя бесѣды, предлагаются чтенія со свѣтовыми картинами, устраиваются духовные концерты, лекціи и т. д.

Но зарождаясь и получая отсюда общее направленіе, эта дѣятельность, какъ громадный потокъ, разбивается, развѣтвляется на отдѣльные ручейки, какими являются открытыя на окраинахъ Петербурга и за его предѣлами отдѣленія Общества. Такихъ отдѣленій у Общества насчитывается десять. Открытіе ихъ вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе трезвенники живутъ въ различныхъ улицахъ Петербурга и на далекомъ разстояніи отъ Воскресенской церкви. Въ этихъ отдѣленіяхъ устраиваются бесѣды, организуются библіотеки—читальни, ведутся по воскреснымъ днямъ чтенія съ картинами, производится запись трезвенниковъ, составляются церковно-народные любительскіе хоры изъ членовъ Общества.

Задачи дѣятельности Общества сводились къ тому, чтобы будить въ народѣ живое и здоровое чувство самосохраненія въ виду той тучи бѣдствій, какую несетъ съ собою пьянство и которой грозитъ оно сокрушить цѣлость главныхъ основъ народнаго благополучія. Понимая подъ трезвостью не одну какую либо частичную добродѣтель въ видѣ воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ, а цѣлостное христіански-органическое начало жизни, приводящее въ гармоническое сочетаніе всѣ силы человѣка и предохраняющее его отъ пьяншаго подавленія одной силы другою, Общество задачи своей дѣятельности ставило широко. Оно

ихъ видѣло въ томъ, чтобы заложить въ основу народнаго міросозерцанія и вообще въ основу взглядовъ народныхъ на жизнь евангельское сознаніе. Съ этой цѣлью, въ Воскресенской церкви каждодневно предлагались народу обстоятельныя бесѣды или на темы евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, или на житія празднуемыхъ святыхъ, или по вопросамъ православнаго богослуженія, или вообще объ истинахъ христіанской вѣры и нравственности. Кромѣ этой, такъ сказать общей проповѣди, имѣвшей въ виду общія духовно-нравственныя потребности народа, предъ цѣлыми толпами вновь вступающихъ въ члены Общества трезвенниковъ выяснялась спасительная сила трезвости и все зло пьянства. Приемъ трезвенниковъ совершается каждый разъ послѣ молебна св. бл. кн. Александру-Невскому, какъ Небесному Покровителю Общества, причемъ каждый вступающій въ общество даетъ въ храмѣ, въ присутствіи священника и членовъ, такое обѣщаніе: „Господи, я, рабъ Твой (имярекъ), сознавъ всю скверну пьянства и грѣховъ, отъ него происходящихъ, даю обѣтъ передъ иконою св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго не пить никакихъ охмѣляющихъ напитковъ. Боже Милосердый, помоги мнѣ силою Животворящаго Креста Твоего и молитвами св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго выполнить сіе мое обѣщаніе для спасенія своей души и благаго примѣра другимъ“.

Зная, какъ русскій человѣкъ любитъ хватающей за душу сладкогласный напѣвъ церковной пѣсни, Общество обратило вниманіе и на устройство народнаго пѣнія, организовавъ любительскій хоръ трезвенниковъ.

При школѣ въ церковномъ домѣ устроена для трезвенниковъ помѣстительная читальня и библіотека. Въ читальномъ залѣ 2 раза въ недѣлю устраивались чтенія съ туманными картинами. Наплывъ желающихъ быть на чтеніяхъ, всегда превышалъ размѣры помѣщенія; пришлось ограничить число слушателей, сдѣлавъ входъ на чтенія платнымъ. Въ теченіе 1906 г. отъ чтеній собрано свыше 1000 руб., и сумма эта пошла на устройство дѣтской столовой для школьниковъ, гдѣ ежедневно кормится 100 дѣтей. Кромѣ того для бѣднѣйшихъ учениковъ школы пріобрѣтались на средства Общества костюмы и обувь.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ дѣлѣ

борьбы съ пьянствомъ не маловажное значеніе имѣеть хорошая книжка, Общество обратило особенное вниманіе и на эту сторону дѣла и издаетъ журналы: Отдыхъ христіанина, Трезвая жизнь, Воскресный благовѣсть, Извѣстія по С.-Петербургской епархіи. Центральное мѣсто среди издаваемыхъ журналовъ занималъ „Отдыхъ христіанина“. По своей задачѣ онъ шелъ на встрѣчу благочестивому стремленію всѣхъ „труждающихся и обремененныхъ“, которые ищутъ утѣшенія въ мирныхъ завѣтахъ Христа Спасителя и дѣйствительно обрѣтаютъ для себя здѣсь облегченіе, отдыхъ, покой душамъ своимъ, при этомъ удачно подбираемымъ матеріаломъ онъ старался развивать и укрѣплять въ своихъ читателей не отвлеченное, а жизненное христіанское мірониманіе въ связи съ современными условіями и запросами. Кромѣ журналовъ Общество выпустило до милліона мелкихъ брошюръ различныхъ названій.

При обществѣ, со дня основанія его, образовался особый институтъ выборныхъ. Выборныхъ насчитывается теперь больше 400 ч. Между ними есть мужчины и женщины. Главная обязанность ихъ быть агентами въ дѣлѣ распространенія идей трезвости путемъ визитаціи квартиръ всѣхъ членовъ Общества, для чего весь Петербургъ раздѣленъ на районы, по числу выборныхъ. Въ помощь выбранному дается кандидатъ, обязанный прослужить въ этомъ званіи не менѣе года. Только пройдя годичный курсъ, кандидатъ представляется къ утвержденію въ должности выборнаго.

Острый періодъ безработицы самъ собою натолкнулъ на мысль устроить нѣчто въ родѣ работной конторы или бюро по отысканію работы членамъ—трезвенникамъ. Свѣдѣнія о вакансіяхъ, о свободныхъ мѣстахъ поступали въ контору черезъ выборныхъ. Черезъ нихъ же собирались справки о лицахъ, заявившихъ желаніе, выйдя на новый путь трезвой жизни, получить работу,—такъ какъ правильный трудъ всего лучше обезпечиваетъ человѣку возможность охранить себя отъ различныхъ нравственныхъ паденій, а тѣмъ болѣе—отъ пьянства. Особенное усердіе какъ по части визитаціи квартиръ трезвенниковъ, такъ по собиранію разнаго рода справокъ, а также въ распространеніи среди народа религіозно-нравственныхъ брошюръ, отвѣчавшихъ на злобы

дня, проявили выборныя женщины. Ихъ числится въ составѣ выборныхъ болѣе 50 человекъ

При Обществѣ широко поставлена и благотворительная часть. Въ случаяхъ крупныхъ несчастій, обрушивавшихся на семью того или другого трезвенника, Общество приходило къ нему съ денежной помощью; нѣкоторыхъ изъ трезвенниковъ отправляло на родину, многимъ, желавшимъ подняться со дна жизни на ея свѣтлую, трезвую поверхность и являвшимся въ опоркахъ и рубищѣ, Общество отыскивало работу и справляло костюмы.

Для подъема энергіи въ борьбѣ съ темными сторонами жизни и взаимнаго сближенія трезвенниковъ Общество устраивало крестные ходы: а) въ Александрo-Невскую лавру со всѣхъ окраинъ Петербурга на служеніе Владыки Митрополита, б) въ Сергіеву пустынь с) на Валаамскіе острова.

Забываясь всячески о томъ, чтобы создать для Петербургскаго рабочаго и вообще для людей средняго класса обстановку праздничнаго дня, располагающую болѣе къ христіанскому провозженію и использованию праздничнаго отдыха, Общество устроило воскресную школу, на содержаніе которой тратится ежегодно до 1000 руб. Въ школѣ обучается свыше 300 человекъ обоого пола,

Ведя борьбу съ пьянствомъ, какъ уже сложившимся порокомъ взрослыхъ людей, Общество направляетъ свою дѣятельность и на то, чтобы предохранить отъ этого порока подрастающія поколѣнія, чтобы оберечь здѣсь нѣжную дѣтскую душу, таящую въ себѣ расцвѣтъ всякихъ дорогихъ и свѣтлыхъ возможностей, отъ бурнаго натиска всякихъ увлеченій. Направляя свою просвѣтительную и отрезвляющую работу въ дѣтскій міръ, Общество открываетъ при своихъ отдѣленіяхъ школы.

Что касается тѣхъ средствъ, пользуясь которыми Общество развиваетъ свою полезную дѣятельность, то они состояются главнымъ образомъ, почти на половину, изъ членскихъ взносовъ трезвенниковъ, жертвующихъ изъ своихъ скудныхъ средствъ на то, чтобы поддержать въ борьбѣ съ пьянствомъ другихъ страдающихъ этимъ недугомъ. Въ общемъ Общество расходуетъ большія суммы: при приходѣ — 69692 р. 68 к. за 1906 г. израсходовано 68034 р. 58 к. \*)

\*) Отчетъ... за 1905 и 1906 г.г.

Въ настоящее время, когда для борьбы съ пьянствомъ указываются различныя мѣропріятія — общегосударственныя, общественныя, нравственныя и т. п., когда справедливо говорить, что для борьбы съ этимъ зломъ должны быть мобилизованы всѣ силы, когда на примѣрѣ полезной и цѣлесообразной дѣятельности Александро-Невскаго Общества трезвости, показано, что, подъ покровомъ церкви, можетъ дѣлать въ борьбѣ за трезвость такая общественная организація, какъ братство или общество трезвости, невольно хочется пожелать, чтобы любовь и отзывчивость пастырей церкви вызвали къ бытію цѣлый рядъ обществъ, братствъ трезвости при приходскихъ церквахъ во многихъ мѣстахъ нашего дорогого Отечества. Эти общественныя организаціи, подъ покровомъ церкви явились бы однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ въ борьбѣ съ непобѣжденнымъ врагомъ русской земли и исцѣлили бы ее отъ губельнаго и страшнаго недуга. (Таврич. Ц.-О. В.).

*М. Шведовъ.*

## Выборы на должность церковнаго старосты въ селѣ Комаровкѣ Кубелякскаго уезда.

*(Лѣтописно-бытовой и психологическій очеркъ).*

По глухимъ селамъ, — къ какимъ по справедливости должно отнести и Комаровку, нисколько не умаляя чести ея, какъ общественная, такъ и церковно-приходская жизнь течетъ едва замѣтной тихой и однообразной струей. Трудно въ этой невозмутимой струйкѣ уловить переливы, какими, въ большей или меньшей степени, отмѣчается все, что, такъ или иначе, волнуетъ, задерживаетъ или ускоряетъ общее теченіе міровой жизни. Нужно съ большимъ напряженіемъ прислушиваться къ журчанью гладко катящагося ручейка, чтобы различить тоны и звуки его въ общемъ концертѣ грохота и шума житейскаго моря. Какъ круги на водѣ отъ брошеннаго камня, какъ слѣдъ рыбацкой лодки, какъ порывы бури въ тихой пристани отмѣчаются чуть замѣтной рябью, такъ не замѣтны и мимолетныя <sup>и</sup> явленія и событія на горизонтѣ безмятежной сельской жизни.

Проходятъ мѣсяцы и годы и, кажется, ничто, сколько-нибудь заслуживающее вниманія, не нарушаетъ покоя сельскаго обывателя. Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно думать, что селянинъ равнодушенъ къ темпу жизни и совершенно, такъ сказать, погруженъ въ нирвану. Напротивъ, онъ жаждетъ движенія ея, а только, не замѣчая его въ окружающей дѣйствительности, часто увлекается призраками жизни, подобно путнику въ пустыни, обманутому миражемъ оазиса съ группой роскошныхъ деревьевъ и прозрачнымъ источникомъ прохладной воды. Потому-то деревня такъ и любопытна, и такъ падка на всякія новости и исторіи, хотя бы, напр., въ родѣ „слуха“ о появившихся на Сорочинской ярмаркѣ чудовищахъ въ образѣ „красной свитки“ и „сатаны въ образѣ свиньи“ или сплетни о „гороховой копицѣ“, подвечеръ ни съ того ни съ сего вдругъ показавшейся на деревенской улицѣ и гнавшейся за испугавшимися и удиравшими во всѣ лопатки бабами. Пищей для наблюдательности въ деревенской глуши служатъ даже такія незначительныя (но важныя по своей реальности) событія, какъ появленіе на улицѣ городского экипажа съ барининомъ — сѣдокомъ и безъ него, „Топтыгинъ Ивановичъ“, вихремъ промчавшійся на тройкѣ съ колокольчикомъ, велосипедистъ, пролетѣвшій птицей, издающей необыкновенныя трели, шарманщикъ съ обезьяной, тряпичникъ и коробейникъ, наконецъ, дерущіяся бабы или грызущіяся собаки, — все это составляетъ интересную злобу сельскаго дня. Если такъ рѣдки, мелочны и мало интересны событія общественной сельской жизни, не говоримъ, конечно, о болѣе крупныхъ, но за то еще болѣе рѣдкихъ и всегда почти печальныхъ явленіяхъ: голодъ, морой извѣ, пожарахъ, убійствахъ и т. п., то почти тоже нужно сказать и о мѣстныхъ событіяхъ церковно-приходской жизни. И въ этой области такъ-же мало разнообразной и вкусной пищи, а все одно и то-же однообразіе и безвкусіе, какъ и въ продуктахъ деревенской кухни: пустыя щи да каша, хлѣбушка да картофель съ капустой — и то еще слава Богу! Скупыя и малопитательныя деревенскія кушанья, какими приправами ни сдобривай, ихъ, все будутъ пахнуть лоханью и травой. Такъ и событія сельской церковно-приходской жизни, занесенныя иногда на страницы церковной лѣтописи, какъ ни украшай ихъ витіеватостію рѣчи, сколько ни

приправляй солью остроумія и ни подслащивай сахаромъ субъективизма, а все отъ большинства изъ нихъ несетъ бурьяномъ, а не букетомъ цвѣтовъ, съ которыхъ бы читатель, подобно пчелкѣ, могъ собрать извѣстную частичку духовнаго меду. Нужно полагать, что во избѣжаніе такого безвкусія нѣкоторые вовсе не пишутъ церковно-приходской лѣтописи, другіе дальше историко-статистическихъ свѣдѣній о церкви и приходѣ не идутъ, а иные вдаются въ область, не имѣющую ничего общаго съ церковно-приходскою жизнію, повѣствуя, напр., объ атмосферныхъ явленіяхъ въ природѣ. Какъ рѣдкій гость, особенно въ послѣднее время, иногда и въ епархіальномъ органѣ покажется „страничка изъ приходской лѣтописи“, какъ бы затѣмъ, чтобы цѣлые годы снова не появляться въ свѣтъ.

Между тѣмъ, казалось бы, что статьи лѣтописнаго характера, какъ отражающія все таки жизнь, должны выходить въ свѣтъ чаще и занимать въ мѣстной прессѣ не послѣднее мѣсто и, во всякомъ разѣ, стоять не ниже какихъ-нибудь артіог-ныхъ измышленій или полемическихъ турпировъ. Къ сожалѣнію, такое справедливое идейное чаяніе на практикѣ часто разбивается о камень шаблонности темъ, какія выдвигаетъ несложная и однообразная мѣстная церковно-приходская жизнь.

Неловко же, въ самомъ дѣлѣ, пустить въ свѣтъ статью, имѣющую характеръ почти семейной хроники и частный, домашній интересъ, какъ не хорошо показаться въ люди въ домашнемъ, приглядѣвшемся всѣмъ и потертомъ костюмѣ. Откровенно признаемся, не будь теперь такое время, когда столько хлопочуть, говорятъ и пишутъ о возрожденіи прихода и о вещахъ, такъ или иначе соприкасающихся съ этимъ вопросомъ, мы не взяли бы за перо, чтобы повѣствовать о столь незначительномъ и сравнительно часто повторяющемся событіи изъ приходской жизни, какъ выборы церковнаго старосты.

Насъ воодушевила на эту, такъ сказать, литературную экскурсію именно надежда и изъ своего захолустья принести, хоть ничтожную дань трактуемому вопросу времени. Насколько удачно будетъ исполнена наша задача, — судить, конечно, не намъ! Мы готовы поклониться во всякомъ случаѣ гласу народной мудрости: „Если наше не въ ладъ, — мы со своимъ назадъ“... Когда истекаетъ традиціонный для

всѣхъ почти выборныхъ должностей третій годъ, тогда всѣхъ, такъ или иначе заинтересованныхъ новыми выборами, тревожатъ разныя чувства и мысли. Изъ этого общаго правила не исключаются, само собой разумѣется, и церковный староста, и причтъ, и прихожане.

Должность церковнаго старосты почетна и для носителя ея служить явнымъ знакомъ довѣрія къ нему и уваженія со стороны прихода; но въ то же время эта должность хлопотлива, отвѣтственна и не только неблагодарна въ матеріальномъ отношеніи, а напротивъ, требуетъ извѣстнаго рода самопожертвованія и самоотверженія; людьми глубоко-вѣрующими она трактуется, какъ служеніе Богу. Взявши во вниманіе все это, легко понять, какія мысли и чувства должны волновать церковнаго старосту, въ ожиданіи новыхъ выборовъ; хотя въ большинствѣ случаевъ ни одинъ староста и не признается въ этомъ искренно. Такъ, честолюбивый староста волнуется вопросомъ: изберутъ ли его опять? лѣниваго и скуаго тревожить мысль, а что, если избирутъ на новое трехлѣтіе, какъ тогда пренебречь довѣріемъ прихода? глубокорелигіозный староста приходитъ въ уныніе даже при одной мысли, что долженъ будетъ оставить дѣло Божіе, въ случаѣ его заболлотируютъ. Тотъ малодушествуетъ, что не перенесетъ посрамленія, при избраніи другаго лица. Иной рисуетъ картину, какъ будетъ благодарить прихожанъ, въ случаѣ его снова изберутъ, и т. д. и т. д.— всѣхъ мыслей и чувствъ церковныхъ старостъ наканунѣ выборовъ не перечестъ! Причтъ также не остается равнодушнымъ къ акту избранія церковнаго старосты: вѣдь отъ такого или иного характера и настроенія старосты зависитъ многое, какъ относящееся къ благосостоянію причта и взаимныхъ служебныхъ отношеній, такъ и успѣхъ по части церковнаго благоустройства и благочинія и даже тонъ и духъ такого или иного отношенія прихожанъ къ клиру. Наконецъ, одно изъ важныхъ безпокойствъ причта стоитъ въ зависимости отъ того, какъ староста будетъ относиться къ распоряженіямъ спархіальной власти, исходящимъ въ видѣ циркулярныхъ указовъ причтамъ и старостамъ церквей, и къ „предложеніямъ“ о благочиннаго? Какъ онъ будетъ смотрѣть на взносы на духовно-учебныя заведенія и благотворительныя учрежденія, на содержаніе мѣстной церковно-приходской школы и на другія

нужды? Кто учтетъ тѣ жалкія слова, какими приходится батюшкѣ „ублажать“ несговорчиваго и темнаго старосту выдать извѣстную сумму по „предложенію“ о благочиннаго или, напр., праздничный подарокъ пѣвчимъ?! Счастливы еще причтъ, когда ему приходится имѣть дѣло, хоть и съ невѣжественнымъ и упорнымъ старостой, но молчаливымъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе сдержаннымъ въ словахъ; но глубоко несчастенъ онъ, когда староста съ невѣжествомъ и упорствомъ соединяетъ и даръ краснорѣчія, или, какъ говорятъ по селамъ, „острый на словахъ“. Кто и чѣмъ вознаградитъ причтъ и, особенно, настоятеля церкви за тѣ, муки, какія онъ испытываетъ всякій разъ, когда ему приходится убѣждать, побуждать, наконецъ, умолять такого „остраго“ старосту выдать деньги, напр., на эмеритуру“, „на выписку бланковъ“, „духовныхъ журналовъ“, „на баню при духовномъ училищѣ“, „жалованье учительницѣ“ и т. п., когда староста, оцетинившись и оскаливъ зубы, какъ звѣрь, рычитъ: „повыдумуютъ якусь ярмаркуру, а бо планки! На що воно? хибя—такы можна по 7 коп. за лысть? довольно й по копійци! А на журвалы, батюшка, й не выгадуйте, бо забожився, що не дамъ: якъ хочете чытаты, то на свои гроши й вышысуйте! Ну вже мини ота баня: въ печинкахъ вона у мене сыдыть! Ажы-жъ дома живутъ й не банывшись, а тамъ непременно баня, та баня; воно ио настоящому на баню треба-бъ отъ причта браты, бо ихъ диты будутъ баныться! Учтыльши? А хибя я її наймавъ вашу учтыльщю. Та хибя вона дуже й нужна! хибя й Охримъ Брычкунъ, або й Проколь Бурякъ не учылы-бъ такъ, якъ вона, або ще й лучше: бо слухала-бъ дитвора ихъ бильше! Чогожъ на земьску школу съ церкви й не берутъ?! И такъ съ церкви багато всякого здырства! Парафія ажъ реве на мене, та й на васъ, батюшка, уже берутся, бо, кажутъ, що вы не въ парафію дывытысь (не соблюдаете интересовъ прихода), а все якъ-бы передъ началомъ прыслужытысь!“

Благо еще, если батюшка здоровъ, спокойно относится ко всему и можетъ состязаться съ старостой въ крѣпости нервовъ! А сколько испортитъ крови, какъ повредитъ своему здоровью священникъ слабый, впечатлительный, нервный или не терпящій противорѣчій, при служебныхъ столкновененіяхъ съ „острымъ“ старостой. Не станешь же всякій

разъ и по всякимъ мелочамъ надоѣдать благочинному, прося его побудить старосту! Самое радикальное средство, конечно, уволить упрямого старосту. Но это значитъ объявить войну цѣлому приходу, который всегда горой стоитъ за такого старосту. Насколько это средство опасно и не желательно для причта, нечего и доказывать! Надежда на регулированіе направленія и духа дѣятельности старосты путемъ печатной инструкціи, по меньшей мѣрѣ, наивна, а при неосторожномъ проведеніи ея въ жизнь, можетъ послужить къ взаимнымъ пререканіямъ старостъ съ причтами и вызвать недовольство со стороны прихожанъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ очевидное недоразумѣніе: съ одной стороны, — церковный староста избирается приходомъ, какъ хозяинъ церковнаго имущества, хранитель и защитникъ церковно-приходскихъ интересовъ и, наконецъ, выразитель, такъ сказать, воли прихода, какъ церковно-приходской единицы. Соотвѣтственно такимъ полномочіямъ старостъ, опредѣляется избирателями кругъ и характеръ дѣятельности кандидата въ ктиторы. Приходъ даетъ своему представителю и соотвѣтствующую инструкцію, вѣками сложившуюся въ сознаніи прихода. Въ этой неписанной инструкціи красной нитью проходитъ — проведеніе въ дѣятельность старостъ интересовъ прихода и только и, притомъ, узкопонимаемыхъ: староста, какъ скупой рыцарь, долженъ копить, хранить и беречь отъ чужихъ глазъ церковную сумму и безъ вѣдома и согласія своихъ избирателей не распорядиться ею. Институтъ представителей отъ прихожанъ для повѣрки церковныхъ суммъ на практикѣ мало служитъ для прихода гарантіей соблюденія старостой приходскихъ интересовъ. Съ другой стороны, церковный староста утверждается въ должности, награждается и увольняется епархіальной властью, какъ фактическимъ и административнымъ хозяиномъ церковнаго имущества.

Эта же власть даетъ старостѣ свою печатную инструкцію, въ которой нѣкоторые параграфы далеко не совпадаютъ съ инструкціей прихода. По печатной инструкціи соучастникомъ старосты и отвѣтственнымъ распорядителемъ церковнаго имущества является и причтъ, подъ руководствомъ (на практикѣ чаще самостоятельно) котораго ведется и бухгалтерія по операціямъ церковнаго имущества, подъ условіемъ личной отвѣтственности за неправильное или

неаккуратное исполненіе ея. Отчетуется староста официально, какъ извѣстно, не передъ прихожанами, а передъ о. благочиннымъ, какъ посредникомъ и представителемъ епархіальной власти.

Такое, видимо, неестественное положеніе дѣла завѣдыванія церковнымъ хозяйствомъ рождаетъ скрытый или явный, но постоянный антагонизмъ между приходомъ и клиромъ на почвѣ распоряженія церковнымъ имуществомъ.

Положеніе старосты подобно состоянію человѣка, попавшаго между двухъ огней, а служеніе его опредѣляется, какъ служба двумъ господамъ: приходу и епархіальной власти. Усердіе или нерадѣніе къ тому или другому господину вполне зависитъ отъ личнаго характера, взгляда на свое служеніе, просвѣщенность и церковно-практическое развитіе старосты.

Послѣ сказаннаго почти не приходится уже говорить о мысляхъ и чувствахъ, волнующихъ прихожанъ передъ выборами церковнаго старосты: идеаль церковнаго старосты у большинства прихожанъ всегда готовъ и остается нерѣшенной только задача, кто наибольше подходитъ къ осуществленію такого идеала? О глубинѣ и крѣпости вѣры, о степени и искренности благочестія кандидата въ церковные старосты приходъ мало или вовсе не заботится. Всѣ религиозно-нравственные недочеты старосты, по убѣжденію народа, искупаются принятой имъ присягой на вѣрность и честность старостинской службы. И не удивительно: обояніе клятвы такъ сильно въ религиозномъ сознаніи простаго человѣка, что онъ готовъ вѣрить божьѣ даже жида, обманывающаго своего кліента, и внимать клятвеннымъ увѣреніямъ на ярмаркѣ цыгана, продающаго рысака безъ ногъ и т. п. Нельзя, впрочемъ, не сказать, что на игнорированіе добрыхъ душевныхъ качествъ кандидата въ старосты имѣетъ довольно значительное давленіе и страстное желаніе непременно выставить къ избранію въ старосты лицо вздорное, способное противустать всѣмъ законнымъ требованіямъ отъ него со стороны причта, о. благочиннаго и даже епархіальнаго начальства.

Кромѣ того, народъ нашъ, конечно, въ лучшей части своей, насколько еще религиозно-набоженъ и чистъ нравственно, настолько еще простъ, теменъ, до ребячества наивенъ, а въ церковно-приходскихъ дѣлахъ, какъ и въ об-

щественныхъ, мало энергиченъ и слишкомъ склоненъ къ стадности, почему, какъ загипнотизированный, часто идетъ за своими главарями, къ сожалѣнію, большею частію, если не всегда, темными силами прихода, и не то, что въ такомъ невинномъ дѣлѣ, какъ выборы старосты, а нерѣдко и въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ. Иллюстраціи излишни.

Къ крайнему огорченію и большому вреду для дѣла церковно-приходскаго благоустройства служить то, что причтъ, и особенно пастырѣ, не можетъ имѣть прямого благотворнаго вліянія на выборъ достойнаго кандидата въ церковные старосты. По инструкціи требуется не участіе причта въ выборахъ и не согласіе его на состоявшееся уже избраніе, а только присутствованіе на выборахъ. Такая непонятно пассивная роль клира въ избраніи старосты не можетъ предотвратить иногда самыхъ печальныхъ выборовъ. Косвенное же вліяніе клира на исходъ выборовъ въ старосты, какъ несанкціонированное закономъ, не всегда приводитъ къ благимъ результатамъ. На такое вліяніе прихожане обыкновенно смотрятъ, какъ на желаніе причта имѣть въ лицѣ церковнаго старосты соучастника въ безконтрольномъ, будто-бы, распоряженіи церковнымъ хозяйствомъ и въ направленіи старостинской дѣятельности въ личную пользу причта и въ угоду начальству, почему въ такихъ случаяхъ всегда становятся въ оппозицію къ такому старостѣ и причту. Отсюда—борьба партій при выборахъ старосты. Отсюда-же иногда упорное нежеланіе прихожанъ выставить своего кандидата въ старосты и признать старосту, избраннаго и утвержденаго подъ извѣстнымъ вліяніемъ со стороны клира. Какъ извѣстно, есть приходы, гдѣ выборы старосты принимаютъ острый характеръ и нерѣдко осложняются приходскими драмами, въ которыхъ страждущимъ героемъ почти всегда бываетъ священникъ. Упорство прихожанъ въ нежеланіи избрать другое лицо въ старосты, если избранный ими кандидатъ почему-либо не можетъ быть утвержденъ въ должности, иногда служитъ причиной того, что церковь на нѣсколько лѣтъ остается безъ старосты, обязанности котораго въ такихъ случаяхъ обыкновенно несетъ псаломщикъ. Кажется, никакое монастырское послушаніе не можетъ сравниться съ этимъ экстраординарнымъ для псаломщика бременемъ старостинства; кажется, не можетъ быть большей кары и чувствительнѣе злосключенія,

какъ занять псаломщику почетное по идеѣ мѣсто у свѣчнаго шкафа и церковнаго сундука! На что только способна разъяренная невѣжественная масса, все тогда цѣликомъ обрушивается на невиннаго страдальца, псаломщика—старосту: и градъ насмѣшекъ, и извительныя издѣвательства, и самая грубая брань, и обвиненіе въ вымышленныхъ проступкахъ и т. д., не говоря ужъ о томъ, что такой псаломщикъ лишается благоволенія со стороны прихожанъ въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія. Мало этого, даже и церковь тогда терпитъ матеріальный ущербъ: количество проданныхъ свѣчей и кошелековая сумма сокращаются и довольно замѣтно уменьшается притокъ пожертвованій.

Вспомнился намъ одинъ довольно характерный инцидентъ, разыгравшійся на выборахъ старосты въ с. В.-К., какъ нѣсколько иллюстрирующій только что высказанную мысль о косвенномъ вліяніи пастыря на исходъ выборовъ старосты. По уполномочію о. благочиннаго производилъ выборы настоятель прихода. Единогласно избрали прежняго старосту, человѣка глубоковѣрующаго, благочестиваго, сдѣлавшаго довольно крупное пожертвованіе на храмъ и вникавшаго въ нужды клира и народнаго просвѣщенія. Священникъ такъ былъ пораженъ или, лучше сказать, удовлетворенъ просвѣщеннымъ взглядомъ прихожанъ на выборы старосты, что, подъ вліяніемъ этого чувства, вполне естественно, выразилъ свое одобреніе, какъ избирателямъ, такъ и избранному.

Послѣдній съ своей стороны, по долгу простой вѣжливости, обратился къ собранію съ словомъ благодарности за оказанную честь. Гробовое молчаніе, какъ затишье передъ бурей, длилось нѣсколько минутъ. Вдругъ, какъ вихрь, пронесся по церкви рѣзкій голосъ одного извѣстнаго приходскаго крикуна: «не желаемъ! новаго! новаго!» и, какъ наэлектризованная, вся церковь заревѣла: «новаго! новаго! нехай старый перебьется ще толокою!» Нечего и говорить, что сконфуженный и напрасно обиженный староста, какъ говорится, поджавши хвостъ, поскорѣе ретировался изъ церкви, проклиная, быть можетъ, въ душѣ свою, склонность къ вѣжливости, пріобрѣтенную имъ въ бытность на военной службѣ въ чинѣ старшаго фейерверкера. Не мнѣ, конечно, сконфуженъ, а еще болѣе огорченъ остался и священникъ, весьма пожалѣвшій о своей нетактичности

въ данномъ случаѣ и о томъ, что допустилъ себя «метать бисеры предъ свиніями». Само собой разумѣется, на должность старосты былъ избранъ самый ярый противникъ причта. Едва ли чтонибудь подобное могло бы случиться, если бы участіе клира въ выборахъ старосты было регламентировано инструкціей и было не косвеннымъ только, а прямымъ горячимъ. Даже больше! Какъ выборщикъ, клиръ былъ бы гораздо авторитетнѣе въ глазахъ прихожанъ и особенно церковнаго старосты по части распоряженія церковнымъ имуществомъ и, въ частности, представленія разныхъ взносовъ на епархіальныя нужды, противъ чего особенно теперь такъ настойчиво и нерѣдко дерзко вопіютъ даже сравнительно кроткіе и послушные старосты. Безстрастно выслушивать прежде всѣхъ всю силу этихъ криковъ протеста и наибъ чувствительнѣе испытывась на себѣ весь трагизмъ, рождаемый ими въ приходской жизни, поставленъ въ печальную необходимость причтъ, хотя и обезличенный въ выборахъ старосты, но въ тоже время обязательный по должности принимать участіе съ старостой въ веденіи церковнаго хозяйства.

Вслѣдствіе этого положеніе причта въ церковно-приходской жизни двусмысленно, а въ такомъ состояніи клиру трудно играть видную роль, хотя бы, напр., и въ возрожденіи прихода, независимо отъ того, на какихъ началахъ оно будетъ строиться: на церковно-приходскихъ-ли совѣтахъ или братствахъ!..

(Окончаніе слѣдуетъ).

### Пасхальная заутреня въ Нью-Йоркѣ.

Стояла чудная майская ночь, одна изъ тѣхъ ночей, когда все выползаетъ на улицу, когда человѣку не сидится дома, когда волна воспоминаній властно вторгается въ его душу, манить его на просторъ широкій и заставляеть хоть на время выльзти изъ скорлупы повседневной суеты и стать на минуту человѣкомъ, способнымъ слиться съ природой въ ея торжественномъ гимнѣ наступившей веснѣ. Темно—синее небо было усѣяно звѣздами и казалось такимъ задумчивымъ далекимъ царствомъ свѣтлыхъ существъ, которые изъ состра-

данія къ маленькой, но съ большими претензіями землѣ освѣщаютъ ей путь къ вѣчнымъ звѣздамъ.

Смотришь въ эту необъятную глубину и не замѣчаешь, какъ постепенно начинаешь удаляться мыслью отъ темной земли и возноситься все выше и выше туда, въ недосыгаемая высоты идеала...

Но бѣдна фантазія человѣка и пуглива мысль его: отъ соприкосновенія съ областью свѣта слабѣетъ полетъ его фантазіи, опускаются крылья, и на полпути возвращается онъ назадъ... къ разбитому корыту; его страшитъ необъятность, безграничность,—его, привыкшаго все измѣрять своимъ земнымъ масштабомъ, привыкшаго все втискивать въ строго опредѣленные рамки. Идея безконечности чужда природѣ человѣка, и потому онъ, приподнятый на вершокъ отъ земли, теряетъ и робѣетъ; привыкнувъ землю считать своимъ царствомъ, здѣсь онъ — жалкій трусъ, ничтожная пылинка съ самолюбіемъ гения...

Тихими шагами незримо надвинулась эта ночь, надвинулась и обняла весь міръ своимъ темнымъ покровомъ, обняла и скрыла въ своихъ мягкихъ объятіяхъ и распустившіяся деревья, и улицы, и громадные многоэтажные дома Нью-Йорка, и заснувшій, полный мрака и таинственности Central Park. Правда, электрическіе фонари довольно удачно боролись съ тьмой на главныхъ улицахъ и газовые фонари на второстепенныхъ улицахъ усиливались разорвать надвинувшіяся мракъ, но все же ночь торжествовала всюду: на самыхъ главныхъ улицахъ, какъ напимѣръ, на пятой эвеню (Fifth Avenue), гдѣ живутъ король американской биржи,—и тамъ, несмотря на яркое освѣщеніе, чувствовалось присутствіе майской ночи. Не даромъ сухіе янки, „деревянными“ чувствамъ которыхъ недоступно, кажется, ничто, кромѣ звона золота, выходя изъ домовъ, говорили: какая прекрасная ночь!

Время близилось къ полуночи. Въ рабочихъ кварталахъ, преимущественно занятыхъ нѣмцами и чехами, водворилась тишина: нѣмцы и сюда занесли изъ Европы свое уваженіе къ праву другихъ на покой и свою классическую боязнь передъ Ruheströrung послѣ 10 часовъ. Зато итальянскіе и еврейскіе кварталы шумѣли, точно встревоженный рой шме-

лей; изъ общаго глухого гама порой вырывались отдѣльные рѣзкіе звуки, порой слышались аккорды незатѣливой музыки. Но пѣсни неслышалось ниоткуда, точно эмигранты потеряли способность пѣть, переплывъ океанъ, или же, подобно плѣненнымъ евреямъ, они не хотѣли пѣть, говоря въ душѣ: „какъ мнѣ воспоемъ пѣснь Господню на землѣ чужой?!“

Перевозъ 91-й улицы готовился отчалить отъ Длиннаго острова (Long Island). Капитанъ далъ свистокъ, отняли сходни, прозвенѣлъ вѣстовой колоколъ, и тяжелый неуклюжий перевозъ началъ мало-по-малу удаляться отъ берега; скоро онъ совсѣмъ погрузился въ ночную тьму, мелькая только своими сигнальными огнями. На перевозѣ было много народа, несмотря на сравнительно поздній часъ: это православные богомольцы ѣхали въ русскую церковь къ заутрени. Былъ вечеръ страстной субботы.

Принаряженные, съ явно приподнятымъ настроеніемъ, съ куличами и пасхами, завернутыми въ чистыя салфетки, они обращали на себя всеобщее вниманіе и вызывали полуудивленные, полунасмѣшливые взгляды. Истые америкалцы, не признающіе никакой религіи, а если и посѣщающіе свои „чойчъ“ (church—церковь), то только по коммерческимъ соображеніямъ, не могли безъ удивленія и насмѣшки смотрѣть на этихъ „гринсъ“ (green—зеленый, —такимъ именемъ американцы называютъ эмигрантовъ), которые ѣдутъ ночью молиться „надъ тортомъ и творогомъ“—сакъ and potcheese, —какъ смѣялся мнѣ одинъ изъ нашихъ рабочихъ.

Большинство русскихъ было одѣто въ чистыя пиджачныя пары, въ котелки и новые ботинки; высокіе бѣлые воротнички, рѣзко отдѣлявшіе загорѣлыя шеи, были повязаны разноцвѣтными галстухами; нѣкоторые держали въ грубыхъ, мускулистыхъ рукахъ красныя лайковыя перчатки. Костюмы дамъ были не менѣ изящны; преобладали бѣлыя кофточки и цвѣтныя юбки; въ прическахъ дамъ было замѣтно неудачное подражаніе американкамъ, —неудачное потому, что очень уже не шли къ широкимъ славянскимъ лицамъ эти искусственныя подкладки изъ фальшивыхъ волосъ! Но были и такія, которыхъ одежда, шляпа и прическа отличались скромностью и чужды были слѣпому подражанія господствующей

модѣ: эти, очевидно, недавно еще пріѣхали изъ-за океана и не научились еще бояться, какъ пугала, клички „гринь“.

Но вотъ перевозъ началъ замедлять ходъ и черезъ минуту присталъ къ Нью-Йорку, къ 91-й улицѣ. Длинной, вереницей двинулись русскіе по направленію къ 97-й улицѣ, гдѣ находится православная церковь или соборъ св. Николая, какъ ее называютъ причтъ, въ отличіе отъ другой церкви, находящейся въ New gers-y City. А около церкви св. Николая въ это время уже собралось много народа. Церковь еще была заперта, а потому богомольцы толкались частію на крыльцѣ, частію на широкой каменной лѣстницѣ, частію ходили въ нетерпѣніи по улицѣ отъ Madison Avenue до Fifth Avenue. Окна подвального этажа церковнаго дома были ярко освѣщены: то въ канцеляріи братства собралось нѣсколько членовъ и вело оживленную бесѣду въ ожиданіи службы. Народъ все подходилъ и подходилъ; трамваи то и дѣло ссаживали пассажировъ изъ Верхняго и изъ Нижняго города (Up-town и Down-town). Большинство православныхъ изъ простолюдья, т. е. изъ низшихъ рабочихъ классовъ, было изъ Галиціи и говорило на малорусскомъ галиційскомъ нарѣчій; не мало было православныхъ и изъ юго-западнаго края, особенно изъ губерній Виленской и Минской, откуда за послѣднее время необыкновенно усилилась эмиграція въ Америку.

Вотъ отперли церковь и толпа сразу же хлынула съ улицы внутрь храма. Зажгли плошки. На колокольнѣ всѣ выступы, колонки и перила были ярко освѣщены. Раздался первый ударъ колокола, и торжественный звукъ рѣзко разорвалъ окружающую тишину, отразился отъ высокихъ домовъ Madison Avenue, понесся къ парку и тамъ заглохъ въ столѣтнихъ дубахъ, разбудивъ ихъ на время отъ полуночной дремоты. Тѣ изъ богомольцевъ, которые гуляли на пятой эвенту въ ожиданіи благовѣста, слышавъ первый ударъ колокола, побросали папиросы и сигары и спѣшно пошли въ церковь, поправляя на ходу одежду. Въ обыкновенное время просторная и вполнѣ помѣстительная для сравнительно небольшого числа прихожанъ, церковь св. Николая казалась теперь тѣсной и маленькой, въ сравненіи съ количествомъ бого-

мольцевъ, желавшихъ присутствовать на пасхальной заутрѣни. И въ самомъ дѣлѣ она была мала: непомѣстившіеся внутри церкви заняли небольшой притворъ, крыльцо и даже часть лѣстницы. Служба уже началась. Кончилась полунощница. Раздался торжественный гимнъ Побѣдителю смерти; могучая пѣснь всколыхнула сердца присутствующихъ, оживила ихъ лица; дружнымъ полупотомъ отвѣчали они на привѣтствіе священника: „воистину воскресъ!“..

Трудно было священнослужителямъ и протискаться къ дверямъ и потомъ въ торжественномъ шествіи итти къ алтарю — такъ было много народа въ храмѣ, такъ было душно тамъ и отъ горѣвшихъ свѣчъ, и отъ суртута воздуха. Порой громкій вздохъ стѣсненной груди заглушалъ возгласъ священника; молящіеся, особенно женщины, чувствовали головную боль и слезы въ горлѣ; съ пѣкоторыми уже сдѣлалось дурно, и только съ большимъ трудомъ удалось ихъ вынести на свѣжій воздухъ.

А перевозъ на 91-й улицѣ все подвозилъ и подвозил богомольцевъ; не мало ихъ прибывало и по воздушной электрической дорогѣ изъ Дантана (Down-Town, такъ называется нижняя часть города, около порта). Скоро не только площадка и лѣстница передъ церковью, но и прилегающій тротуаръ и вся улица были запружены богомольцами.

Изъ ближайшаго полицейскаго участка прибыло нѣсколько городовыхъ, вызванныхъ на случай безпорядка. Эти саженаго роста роістен медленнымъ шагомъ подошли къ церкви, растолкали толпу и безцеремонно размѣстились на ступенькахъ, кура сигары и полупрезрительно поглядывая на русскихъ. Всѣ они были въ шапкахъ и съ тяжелыми Клобами у поясовъ, плотно обхватывавшихъ ихъ могучія талии. Большею частію атеисты, не вѣрящіе ни во что, кромѣ доллара, полисмены не были настроены особенно доброжелательно къ русскимъ, ради которыхъ ихъ потревожили ночью. Обмѣниваясь другъ съ другомъ отрывистыми фразами, они то и дѣло съ досадою и озлобленіемъ поглядывали на молящихся.

Многіе изъ православныхъ, настроенные молитвенно—торжественно, были сначала удивлены прибытіемъ городовыхъ; потомъ, мало-по-малу это удивленіе начало переходить въ недовольство, выражавшееся косыми взглядами и

сердитымъ ворчаньемъ себѣ подѣ носѣ. Особенно непріятно было молящимся присутствіе полиціи въ такой важный моментъ потому, что городовые были въ шапкахъ, нѣкоторые изъ нихъ курили, а другіе жевали табакъ, противно двигая красными выбритыми подбородками.

Наконецъ, одинъ изъ молящихся не вытерпѣлъ и, подойдя къ одному изъ городскихъ, чувствовавшему себя особенно свободно.

— Снимите шапку—въжливо сказалъ онъ: вы видите—здѣсь церковь! Для большей убѣдительности и вразумительности онъ показалъ рукой на собственный котелокъ и сдѣлалъ широкій жестъ правой рукой, показывая на молящихся и какъ бы призывая ихъ во свидѣтели. Городовой долго въ упоръ смотрѣлъ на русскаго съ насмѣшкой и презрѣніемъ, наконецъ, отворотился въ сторону и сплюнулъ. Тѣмъ и кончилось объясненіе. Сконфуженный такимъ обращеніемъ, русскій не нашелся что сказать и тоскливо отошелъ на свое мѣсто.

А неудовольствіе на полицію все росло въ толпѣ. Изъ устъ въ уста передавался по улицѣ разсказъ о городовомъ, такъ презрительно обошедшимся съ богомольцемъ. Молитвенное настроеніе и торжественная душевная радость мало-по-малу продавали; городовые въ шапкахъ, какъ бѣльмо на глазу, яркимъ пятномъ торчали на крыльцѣ и невольно обращали на себя всеобщее вниманіе. Изъ полубривистыхъ фразъ, изъ нелестныхъ для себя эпитетовъ, изъ злобныхъ взглядовъ городовые поняли всеобщее недовольство и тоже насторожились. Оправивъ шапки и взявъ въ руки клобы (палки которыми вооружена нью-іоркская полиція, вмѣсто шашекъ), они начали грозно осматривать толпу богомольцевъ, какъ бы ища случая проявить свое всевластіе.

И случай скоро представился.

Изъ церкви, переполненной молящимися, вмѣстѣ со стройнымъ пѣніемъ пасхальнаго канона докосились порой тяжелые громкіе вздохи стѣсненной груди. Тѣснота и жара мало-по-малу дѣлали свое дѣло... И вотъ все чаще и чаще стали выводить подѣ руки, а то и просто выносить тѣхъ, кому сдѣлалось дурно. Нѣсколько блѣдныхъ женщинъ и подростковъ сидѣло на каменныхъ ступеняхъ лѣстницы и съ

жадностію вдыхало свѣжій воздухъ майской нечи. Вдругъ изъ церкви донесся сдавленный крикъ—и толпа у двери невольно заколыхалась, стараясь дать кому-то дорогу. Стоящихъ въ притворѣ было такъ много, что они не могли сразу дать дорогу выходящему; произошло небольшое замѣшательство, чѣмъ городовые не преминули воспользоваться для проявленія своей власти. Грубо растолкавъ стоявшихъ на лѣстницѣ, они поднялись наверхъ и вошли въ притворъ. Не понимая въ чемъ дѣло, но вида нѣкоторое замѣшательство, городовые безъ всякаго предупрежденія начали выталкивать богомольцевъ изъ притвора, причемъ способъ, употребленный ими, обличалъ только ихъ невѣжество и физическую силу.

Женщина, пробивавшаяся сквозь густую толпу, наконецъ, вышла на свободное мѣсто, и замашательство прекратилось само собой. Столкнувъ съ лѣстницы десятка полтора молящихся, городовые тоже удалились изъ притвора. На улицѣ ихъ встрѣтило всеобщее недовольство не попавшихъ въ храмъ богомольцевъ, недоумѣвавшихъ зачѣмъ понадобилось вмѣшательство полиціи, когда и слѣдовъ безпорядка не было. Много колкихъ замѣчаній и насмѣшекъ полетѣло по ихъ адресу; съ противоположной стороны улицы полетѣло въ нихъ даже нѣсколько комковъ грязи...

А въ церкви въ это время служба шла своимъ чередомъ. Несмотря на тѣсноту и давку, собравшіеся изъ разныхъ концовъ пятимилліоннаго Нью-Йорка богомольцы были одушевлены однимъ общимъ чувствомъ, находившимъ полное и всестороннее выраженіе въ словахъ божественной пѣсни — „и другъ друга обнимемъ!“ Что-то тержественное, свѣтозарное витало надъ этой толпой богомольцевъ, какая—то особенная, внутренняя радость наполняла ихъ грудь и заставляла сердце трепетать и замирать въ сладкомъ предчувствіи чего—то великаго, безконечнаго, благого. Каза-лось, что въ данный моментъ они дѣйствительно готовы раскрыть братскія объятія для всего міра, готовы принять лучезарнаго Побѣдителя ада съ чистымъ сердцемъ и свѣтлой совѣстью. А громкое „Христось Воскресе“ то и дѣло оглашало невысокую церковь, отражалось отъ стѣнъ, поднималось выше, къ хорамъ и глухо замирало въ небольшомъ, но красивомъ куполѣ. Чѣмъ то особеннымъ вѣяло отъ этихъ родныхъ звуковъ, какое-то особенное чувство.

вызывали они въ молящихся здѣсь, за океаномъ, на далекой и пегостепримной чужбинѣ!..

Они напоминали милую родину, къ которой неслись всѣ воспоминанія, съ которой тѣсно была связана вся эта праздничная толпа богомольцевъ, и эта связь, прочная и тѣсная, чувствовалась теперь, въ пасхальную ночь особенно глубоко и рельефно. Оторванные физически отъ родины, русскіе молились за нее здѣсь, на далекомъ западѣ, и въ этой горячей молитвѣ выражалось все — и желаніе ей блага, и тоска по ней, и вѣра въ ея силы, и надежда увидѣть снова ея милый сердцу образъ.

А на улицѣ, на каменныхъ ступенькахъ, запоздавшіе или не попавшіе въ церковь вели тихую бесѣду, прерываемую время отъ времени слабыми отголосками пасхальныхъ пѣснопѣній, доносившимися изъ церкви. Въ ожиданіи освященія куличей, богомольцы разбились на небольшія группы, на землячества, которыя съ увлеченіемъ вспоминали о томъ, что теперь дѣлается у нихъ на родинѣ.

— У насъ теперь, — рассказывалъ одинъ молодой рабочий изъ Бѣлорусско-Литовскаго края, — церковь вся площадками убрана, а кругомъ смолянки горятъ, костры. Какъ, бывало, въ полночь ударятъ въ колоколь, тотчасъ же въ оградѣ какъ бухнетъ изъ пушки!.. Ажъ стекла задрожать бывало... Батюшка...

— Нѣтъ, а у насъ-то какъ хорошо, — неожиданно перебиваетъ рассказчика другой: староста купилъ къ празднику большую картину, написанную на полотнѣ; приладить ее, бывало, на колокольнѣ, въ верхнемъ ярусѣ въ пролетѣ, а сзади нея — фонарей штукъ десятокъ. Какъ зажгутъ ихъ ночью, такъ, бывало, изъ нашей деревни Панасовки видно, даромъ что мы за рѣчкой живемъ... А во время хода бенгальскіе огни горятъ разноцвѣтные.

И увлеченный воспоминаніями, рассказчикъ начинаетъ описывать слушателямъ встрѣчу и проводы Христова дня у нихъ, въ болотистой Бѣлоруссіи, припоминаетъ разные случаи изъ жизни родной деревни и изъ своей собственной. Эти воспоминанія сближаютъ случайно сошедшихся людей до того, что подконецъ бесѣда ихъ принимаетъ чисто родственный, интимный характеръ.

А вотъ еще группа крестьянъ изъ Полтавской и Кіевской

губерній. Забывъ, что они въ Америкѣ, что на нихъ на-  
дѣты модные костюмы, сорочки и сравнительно изящные  
ботинки, забывъ, что въ рукахъ ихъ находятся котелки и  
тросточки, забывъ условную культурность и пріобрѣтенный  
лоскъ, они тихо сидѣли на каменномъ крыльцѣ одного дома  
и тихо бесѣдовали на своемъ звучномъ и музыкальномъ  
нарѣчій. Отъ ихъ воспоминаній, какъ и отъ пріятныхъ  
звуковъ ихъ мягкаго говора вѣяло далекой Малороссіей,

Гдѣ все весельемъ дышитъ

Гдѣ рѣки льются чище серебра,

И вѣтерокъ степной ковыль колышетъ...

Служба кончалась. Надъ безмолвной толпой молящихся  
въ церкви отчетливо звучали знаменитые слова Іоанна Зла-  
тоуста: „Смерть! Гдѣ твое жало? Гдѣ твоя, адъ, побѣда?“  
Молодой, сочный голосъ одушевленнаго священника внятно  
и съ чувствомъ произносилъ каждое слово; онъ читалъ  
почти наизусть. Изъ этихъ сопоставленій состоянія грѣхов-  
наго міра до Воскресенія Христа и состоянія просвѣтлен-  
ныхъ душъ послѣ этого радостнаго событія мало-по-малу  
въ сознаніи слушателей рисовалась картина того могучаго  
значенія Смерти и Воскресенія Искупителя, которое они  
оказали на весь міръ, на всю жизнь...

А ночь, тихая, безмятежная майская ночь, густой пеле-  
ной окутала пятимилліонный городъ, простерла свои мягкія  
черныя крылья надъ этимъ сіяющимъ храмомъ и надъ этой  
толпой пришедшихъ славить Воскресеніе Христа. Въ дале-  
кихъ небесахъ было торжественно тихо; казалось, и небо,  
и звѣзды, и деревья, и вообще вся природа—слились съ  
людьми въ единомъ могучемъ гимнѣ Воскресшему Христу.

*Н. Ж.*

### Богъ наставиль.

(Изъ истинныхъ происшествій).

Силай Кутерьма ужасно скверный человѣкъ: день не  
проходитъ, чтобы онъ не напился до скотскаго состоянія,  
до омерзенія, а напившись, набуянивъ, подрался съ кѣмъ—

либо, а то и голову кому провалить... Глядишь, чрезъ каждые два—три дня его и тянуть на судъ къ отвѣту. Кутерьма—чистый забулдыга! Хата его валится, нужно подпорки ставить. Тыны попадали,—и кто только ихъ не расхищаетъ. — Сарай повалились; семья—жена—самъ—шесть, бываетъ, по цѣлымъ днямъ голодаетъ а Силай въ это время одну за другою вливаетъ въ свой бездонный желудокъ бутылки жгучей влаги, да, знай, скандалить. Проходилъ годъ за годомъ, а Силай продолжалъ баловаться, драться, ругаться, и до такой степени Кутерьма развратился, что всѣ люди перестали его считать за человѣка, и при разговорахъ, вспоминая новую продѣлку Силая, народъ говорилъ: „чего тамъ удивляться, Силай—это пропащій человѣкъ!“—„Силай—это гадость, которую терпѣть нѣтъ силъ“. Вотъ какое было мнѣнiе народа о Кутерьмѣ.

А было время, и Силай Кутерьма былъ человѣкомъ, какъ и всѣ. Было время, когда и его хата была не хуже другихъ! было время, когда у Силая закромы ломались отъ хлѣба, по полю ходили круторогіе волю, и не одна пара, а двѣ и три. Лошади, овцы, счастливо ржали, блеяли въ его громадномъ саду на подножномъ корму. Его жена Евдокія въ запаскѣ и красныхъ котахъ, въ маслиновомъ „платкѣ и при дукачахъ на шеѣ, выглядывала красавицей, дѣтки въ чистенькой одеждѣ, въ новенькихъ сапожкахъ, рѣзвились на улицѣ, и не одинъ сосѣдъ завидовалъ Силаю, его женѣ „Евдохѣ“, чистотѣ дѣтокъ и зажитку.

Такое богатство досталось Силаю отъ отца его. Покойникъ—отецъ Силая, трудомъ и непосильной работой, прибрѣлъ земельки десятинокъ четыре, да три пары воловъ, да нѣсколько штукъ лошадей и овецъ. Не зналъ бѣднякъ—покойникъ, что сынъ его все—это добытое кровью и потомъ, пустить прахомъ. Да и какъ онъ могъ знать объ этомъ, какъ могъ предвидѣть, когда Силашка—его ненаглядный сынокъ—при жизни его былъ такой ласковенькій, покорненькій! Не шалунъ, страстный охотникъ до хозяйничанья, жену любилъ. Кто могъ бы подумать, чтобы Силашка могъ сдѣлаться безпросыпнымъ пьяницей, буяномъ, звѣремъ, хулителемъ? Но.. къ великому горю жены и дѣтокъ, Кутерьма, къ счастью отецъ умеръ,—сдѣлался „ничемнымъ“ лайдакомъ. А все друзья... Охъ, эти мнѣ друзья—товарищи! Кого только они не погубятъ! Кому только

не напаскудать? Кого не подведутъ? Такъ и Силая, этого смирнаго человѣка, — товарищи сгубили. Сначала постарались приучить его къ водкѣ, а когда въ этомъ (вѣдь всякому извѣстно, какъ скоро можно пристраститься къ водкѣ) успѣли, они же его научили, гдѣ добывать на это деньги. И вотъ Силай, мало-помалу втянувшись въ пьянство, началъ „требушить“ свое хозяйство, продавать его, да покупать водку. Сначала лучшую лошадь промѣнялъ на худшую съ „додачей“. Эту послѣднюю пропилъ. Друзья рады и не нахвалятся мудрости Силая. Потомъ и вымѣнянную лошадь продалъ — пропилъ, — потомъ коровъ, воловъ, овецъ. Когда же этотъ живой хозяйственный скотъ исчезъ, Силай принялся за недвижимость. Напрасно рыдала Евдокія, напрасно молила его не продавать отцовской земли, Силай не послушался, продалъ десятину, затѣмъ другую, часть изъ денегъ пропилъ, а остальные у пьянаго Силая вынули карманчики. И вотъ, пропивая свое добро, Силай ежедневно „пребывалъ“ на тронѣ у Бахуса, счастливый и довольный, а бѣдная семья влачила горько существованіе, не добдая. Бѣдная жена опустилась, лицо ея поблекло отъ слезъ, ея одежда покрылась вся заплатами, а Силай пьетъ, да пьетъ; одеженка дѣтишекъ изорвалась, голыя тѣльца ихъ просвѣчиваютъ на холодѣ, а Силай доволенъ! Семья голодаетъ, да рыдаетъ. Прошелъ годъ, два, три... Изба Силая покосилась, сараи — безъ покрова: солома разлѣзлась, лишь остовъ ихъ, угрюмо выдается, какъ бы стыдятся людей за поведеніе своего „пропащаго“ хозяина. Молила, рыдала, ползала у мужа на колѣняхъ Евдокія, просила его бросить пить водку, но Силай еще пуще разозлился на жену, побилъ ее, и побѣжалъ въ пивную гдѣ не столько пиво продавалась, какъ водка. Побитая, вся въ синякахъ, жена не бросала Силая пьянаго одного, вѣдь онъ все — таки Бого — данный ея мужъ, но какъ — только наступалъ вечеръ, она шла отыскивать своего ярыгу, захвативъ санки, и безчувственного, взваливъ на санки, тащила домой.

## II.

Стоялъ весенній вечеръ. Солнце медленно опускалось за горизонтъ, какъ бы жалѣя разстаться съ чуднымъ весеннимъ днемъ. Въ небѣ пролетали стая дикихъ гусей, зычло кричавшихъ, и крикъ ихъ широкой волной разли-

вался по поднебесью... Жаворонокъ, утомившись за день, молчалъ.. Отъ земли вѣяло теплымъ паромъ. Глубокой синій небосклонъ, по которому невѣдомо—куда мчались непрерывной цѣпью сѣденькія тучки, открыто глядѣлъ на землю. Былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ весеннихъ вечеровъ, когда особенно чувствуешь душею Бога, когда сердце сильнѣй и сильнѣй наполняется любовью къ Богу, все—такъ мудро устроящему. Вотъ въ такой-то святой вечеръ безобразный Силай возвращался домой изъ трактира. Былъ онъ безъ сапогъ, ибо безъ денегъ водки не дадутъ, дома ужъ не съ чего взять, а выпить нужно. Штанишки его въ грязи—изорваны, чумарка съ однимъ рукавомъ, волосы—въ поэтическомъ беспорядкѣ, фуражки нѣтъ. Вотъ въ какомъ видѣ „божіе созданіе—богоподобное“ человѣкъ Силай, качаясь изъ стороны въ сторону, шель домой... Всѣ встрѣчные обходили его десятой дорогой. Силай по обыкновенію изрыгалъ страшныя проклятія. Этотъ жалкій человѣкъ имѣлъ обыкновеніе возлѣ каждаго дома останавливаться, и припомнивъ домохозяина его поносилъ его гадкими словами. Вотъ онъ, едва не покотившись, остановился возлѣ воротъ одного дома и закричалъ: „Мошенники (нужно сказать домохозяинъ—очень честный человѣкъ) з...з...найте...я хозяинъ... а вы...вы, ничто.. Чтобъ подъ вами земля тряслась, чтобъ...ты въ рѣкѣ утопился... чтобъ...тебя кровь горячая спила „Чтобъ... т...твоя дѣти велика дня не дождали“. Вотъ такимъ образомъ Силай честилъ всякаго домохозяина, домъ котораго имѣлъ несчастье попасться ему на пьяные глаза... Идетъ Силай дальше.. На пути стоитъ домъ батюшки.

— Попы... попы.. кричитъ Силай, зачѣмъ вы намъ сдались? Ч...Чтобъ н...нашу к. ровь п...п...ить! Б...будьте... в...в...ы!... Нужно сказать, Силай, встрѣчая своего батюшку, не стѣняясь поносилъ его, проклиналъ, священникъ же, не говоря нислова, старался поскрѣе скрыться. Наконецъ Силай съ трудомъ дотащился до церковной ограды, и приблизившись къ храму, сталъ богохульствовать. Въ это время жена его Евдокія, отыскивая его, прибѣжала къ нему и стала тащить домой. Но Силай, отбиваясь отъ нея, продолжалъ кричать: „З...За.. ч..чѣмъ намъ.. Бо..гъ. М...Мы... п б...б.езъ Него. пр... пр... о..живемъ...“ И прочіе безумные глаголы раздавались изъ устъ негоднаго пьяницы. Евдокія, наконецъ, кое-какъ уговорила его идти домой.

## III.

Приходской священникъ о. Оерапонтовъ только что отпилъ вечерній чай, и сидѣлъ за книгой. Вдругъ раздался стукъ дверей, въ кухню кто-то вошелъ, глубоко всхлипывая. О. Оерапонтовъ вышелъ въ кухню.

— Батюшка., дорогой!. мужъ умираетъ.. поспѣшите приобщить Св. Таинъ — закричала плачущая женщина — То была жена Силая.

— Что... что-такое? спросилъ священникъ, сильно удивленный: онъ слышалъ крики пьянаго Силая, прошедшаго мимо двора часъ тому назадъ. Не дожидая отвѣта, о. Оерапонтовъ, взявъ Св. Дары, мигомъ отправился съ плачущей Евдокіей. Дорогой бѣдная Евдокія, плача, рассказывала слѣдующее:

— „Какъ только, батюшка, Силай пришелъ домой, онъ на порогъ упалъ съ крикомъ.. Я наклонилась къ нему... Онъ языкомъ ворочаетъ, а слова не можетъ сказать; ворुшила, ворушили его, а онъ все молчить, да стонетъ. Я сей часъ же побѣжала къ Вамъ, дабы душа не ушла изъ тѣла безъ Св. Причастія“. Когда свящ. прибылъ въ домъ со Св. Дарами, онъ увидалъ Силая, лежавшаго среди хаты, и громко стонавшаго. Лицо его поблѣднѣло, одна рука безжизненно лежала на „доливкѣ“. Дѣтишки жались на нраяхъ, и отъ испуга плакали. Оказалось, Силая постигъ параличь: отнята правая рука и языкъ.

Слай все громко мычалъ, слезы капали, одна за другой на грудь. Священникъ, разсмотрѣвъ больного, и увидя, что смерть отъ такого удара сразу не можетъ послѣдовать, приобщать сразу больнаго не рѣшился въ виду того, что отъ него слишкомъ водкой разило. Позовѣтовавъ послать за врачомъ, свящ. отложилъ приобщеніе до другого дня, если будетъ лучше, и если хуже, то позвать немедленно...

## IV.

Итакъ лишній разъ случай съ Силаемъ показываетъ, что Богъ поругаемъ не бываетъ. Неизреченно милостивъ Богъ къ грѣшникамъ, Онъ долготерпитъ даже до 3 и 4 рода, но и справедливъ Господь въ гнѣвѣ своемъ! Хулилъ Силай Церковь Его святую, хулилъ пастыря Его, Богъ по своей Святой, вѣчной Правдѣ воздалъ. Да, поистинѣ Великъ и

Святъ нашъ Господь, и поругаемъ Онъ не бываетъ никогда. Пусть вдумуются въ случай съ Силаемъ....

Параличъ языка!.. Вѣдь какая мудрость Божія. Чѣмъ хулилъ, то и отнято, параличъ руки...—поистинѣ чѣмъ пакости дѣялъ, того и лишился!.. Вотъ гдѣ правда Божія во всей ея полнотѣ... „Лучше человѣку съ одной рукой войти въ Царство Небесное, нежели имѣть двѣ, и быть брошену въ геену огненную..

Богъ наказалъ, но и простилъ, лишь только вразумилъ, наставилъ. Ибо, какъ впоследствии мы узнали, Силая, помолвившись искренно Богу, отслуживъ молебень Господу Богу, сталъ владѣть языкомъ (это намъ доподлинно извѣстно), и умудрилъ Господь Силая, и сталъ онъ человѣкомъ, бросилъ пить, безобразничать, сталъ усердно посѣщать церковь, пастырей уважать, народъ — этотъ гласъ, Божій, сталъ признавать въ Силаѣ человѣка... И жена и дѣти его увидали свѣтъ, лучшую долю. Поистинѣ Святъ Господь Богъ Нашъ! Надъ всѣми людьми Богъ Нашъ!..

Священникъ *Михаилъ Легейда.*

### Н. Н. Неплюевъ.

21 января 1908 г. скончался въ своей земной жизни человѣкъ, который особенно проникся великимъ сознаниемъ объединенія человѣчества *въ любви*. Имя его, хорошо извѣстное не только въ Россіи, но и за границей,—Николай Николаевичъ Неплюевъ.

О такъ называемыхъ «неплюевскихъ школахъ» много писали за послѣднія двадцать лѣтъ. Слава о нихъ распространилась во все предѣлы нашего обширнаго отечества. О школахъ и о трудовомъ братствѣ Н. Н. Неплюева читаютъ восторженныя лекціи и въ большихъ городахъ за границую. О его вообще христіанской дѣятельности очень много говорятъ въ обществѣ. Да онъ и самъ оставилъ по себѣ хорошую память въ видѣ многотомнаго собранія своихъ сочиненій. Для характеристики Николая Николаевича къ нимъ прибавить можно очень немного. Онъ откровенно, до исповѣди, высказался въ нихъ весь самъ по всѣмъ волнующимъ наше поколѣніе вопросамъ. Миѣ остается только подчеркнуть нѣкоторыя черты его свѣтлой личности и отмѣтить его удивительно прилежное стараніе что-нибудь сдѣлать по пути сближенія людей, какъ братьевъ, какъ дѣтей единого Бога Отца.

Въ августѣ 1898 года, я познакомился въ Старой Руссѣ съ соборнымъ протоіереемъ, о. Александромъ Ус—скимъ.

— Раньше,—говорилъ онъ,—православные понимали одинъ идеаль спасенія—отреченіе отъ міра. Уйти въ монастырь, отказаться отъ обычной жизни, проявить подвиги аскетизма,—вотъ извѣстный въ старину путь къ спасенію. Нынѣ же наши свѣтскіе пророки, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, Николай Николаевичъ Неплюевъ и другіе, указываютъ намъ другой угодный Богу путь, проповѣдуютъ обикновенную жизнь на христіанскихъ началахъ. Вы слышали о Неплюевѣ?

— Немного.

— Пожалуйста, обратите вниманіе на его выдающееся дѣло. На него по всей Россіи смотрятъ съ надеждою, что онъ изъ своихъ школъ выпуститъ цѣлую армію настоящихъ, истинныхъ христіанъ. И здѣсь, въ Старой Руссѣ, есть состоятельные люди, которые съ радостью отдають къ нему въ Черниговскую губернію своихъ дѣтей. Онъ оставилъ намъ память, подаривъ въ здѣшнюю бібліотеку свои сочиненія. Познакомьтесь съ ними.

Не прошло трехъ—четырехъ мѣсяцевъ, какъ я повидался уже съ Николаемъ Николаевичемъ.

23 ноября того же года извѣстный публицистъ М. О. Меньшиковъ повезъ меня знакомить «съ интереснымъ господиномъ» на Малую Морскую, въ гостиницу «Парижъ». Провели въ номеръ 21. Предо мною предсталъ высокій, стройный, изящный господинъ, но съ холоднымъ, мало подвижнымъ лицомъ. Это и былъ Неплюевъ.

Я сталъ его разсматривать съ большимъ любопытствомъ. Волосы съ замѣтною просѣдою (ему тогда было около 47 лѣтъ). Борода подстрижена клиномъ. Лицо въ общемъ красивое. Но какъ мѣняется его видъ, когда посмотришь на него съ боку! Лысый черепъ его сверху плоскій и очень вытянутъ въ длину, а большія не красивыя уши кажутся отодвинутыми назадъ. Носъ съ большимъ горбомъ. Но этотъ странный профиль головы скрашивался статной фигурой Николая Николаевича и изящностью его манеръ.

Наша бесѣда сосредоточилась на основанномъ имъ Трудовомъ Братствѣ. Въ то время Николай Николаевичъ былъ озабоченъ мыслію о передачѣ своего огромнаго имѣнія въ 17.000 десятинъ въ распоряженіе Братства теперь же, при его жизни, потому что отказать ему это многомилліонное состояніе по духовному завѣ-

нціанію нельзя: послѣ его смерти предъявятъ свои права наслѣдники. Но вотъ вопросъ—какъ при жизни передать имѣніе, чтобы потомъ никто не покушался отнять его? Онъ хотѣлъ было отдать свое Братство подъ покровительство высокихъ особъ, чтобы такимъ образомъ упрочить его будущность, но и это ему не удалось тогда...

Мы бесѣдовали съ 7 до 11 часовъ вечера. Николай Николаевичъ очень многорѣчивъ и любить, чтобы его слушали. Это многословіе, вѣроятно, развилось въ немъ многолѣтнимъ преподаваніемъ въ своихъ школахъ.

Къ Неплюеву приходила извѣстная курсистка Елизавета Діаконова, обезсмертившая свое имя въ высшей степени интереснымъ «Дневникомъ», изданнымъ послѣ ея трагической смерти братомъ. Тогда никто изъ насъ не подозрѣвалъ, какая удивительная душа таилась въ этой умной, даровитой, чуткой женщинѣ! Она тоже искала правды жизни и рвалась всѣмъ сердцемъ на каждый малѣйшій проблескъ кажущейся истины. Къ Неплюеву она отнеслась сначала съ восторженнымъ благоговѣніемъ и при первомъ свиданіи съ нимъ разлилась потоками слезъ. Впослѣдствіи она посѣтила его Трудовое Братство въ Воздвиженскѣ, описывала его въ журнальныхъ статьяхъ и все время поддерживала сношенія съ питомцами Николая Николаевича.

Черезъ день, послѣ перваго свиданія, я снова былъ у Неплюева по его приглашенію въ часъ завтрака. На этотъ разъ я засталъ у него братчика, отбывавшаго здѣсь, въ С.-Петербургѣ, воинскую повинность. Молодой человѣкъ былъ одѣтъ въ черную блузу, поверхъ которой блестѣла серебряная цѣпочка отъ часовъ. Я нарочно отмѣчаю эту мелочь, потому что у всѣхъ братчиковъ, которыхъ мнѣ случилось видѣть, я наблюдалъ какое-нибудь нагрудное украшеніе, иногда—простую медальку за участіе въ все-россійской переписи.

Братчикъ-воинъ сидѣлъ недолго; но и въ это короткое время онъ поразилъ меня своимъ отношеніемъ къ Николаю Николаевичу. Молодой человѣкъ, съ небольшими усами на губахъ, все смотрѣлъ на своего наставника глазами или влюбленного, или молящагося человѣка и говорилъ съ нимъ весьма почтительно на *вы*. Неплюевъ же обращался къ нему на *ты* со сдержаннымъ спокойствіемъ, съ неподвижнымъ, холоднымъ лицомъ. Сначала эти отношенія двухъ братчиковъ-христіанъ кажутся странными; но когда представишь себѣ долгій рядъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ этотъ юноша росъ чуть ли не на колыняхъ Неплюева, своего

второго отца, ежедневно цѣловаль и обнималь его, какъ самаго близкаго человѣка, то понятно станеть, что привычка къ поцѣлуямъ и вообще непрестающее обожаніе стало у него естественнымъ, второю натурою.

Оставшись вдвоемъ, мы поспѣшили передать другъ другу все, что у насъ было дорогого на душѣ. Сначала я услышалъ отъ него длинную исповѣдь, какъ онъ подошелъ къ той христіанской дѣятельности, съ которой не разставался до конца жизни. Потомъ бесѣда велась исключительно около Библіи. Съ тѣхъ поръ прошло около десяти лѣтъ. Многое я уже забылъ, но сложившееся тогда представленіе объ этомъ высокообразованномъ человѣкѣ хорошо сохранилось въ памяти до сихъ поръ.

Николай Николаевичъ, происходя изъ древняго дворянскаго рода Неплюевыхъ, выросъ при богатой обстановкѣ громаднаго имѣнія въ Черниговской губерніи, около Янполя, Глуховскаго уѣзда. Съ дѣтства онъ отличался религіознымъ настроеніемъ и рано усвоилъ привычку ежедневно читать Евангеліе, находя въ немъ сердечную отраду. Съ возрастомъ, когда предъ его умственными очами сталъ раскрываться горизонтъ понятій все шире и шире, онъ ужаснулся той розни, которая рѣзко выступаетъ при сличеніи правды Божіей въ Священномъ Писаніи и существующею антихристіанскою жизнью людей. Всѣ его соприкосновенія съ міромъ оставляли въ его душѣ горькій слѣдъ отъ злости, порока и холоднаго разсчета людей. Въ душѣ мальчика скоро явился разладъ. Онъ не могъ примириться съ окружающею жизнью, не могъ примирить въ душѣ своей ежедневные факты, встрѣчающіеся на каждомъ шагѣ,—и онъ замкнулся, ушелъ въ себя. Страшное одиночество среди людей онъ чувствовалъ и въ школѣ, и на службѣ. Оно было настолько невыносимо для него, что онъ очень сталъ тяготиться жизнию. Онъ видѣлъ, какъ люди міра сего, какъ бы сговорясь, отвернулись отъ Бога, забыли Его главную святую заповѣдь любви и открыто проявляютъ страшный эгоизмъ, матеріальный разсчетъ и разнузданность по отношенію нравственности.

«Любовь считаютъ за убыточную сантиментальность, а христіанское братство—наивной утоніей». Люди молчаливо давно отказались отъ Христа. Николай Николаевичъ долженъ былъ глубоко скрывать свою религію любви, чтобы не осмѣяли ее, какъ онъ часто повторяетъ, «простодушные весельчаки въ родѣ Хама или злостные сатирики, ненавидящіе все святое, добро, чистое».

По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Н. Н. Неплюевъ поступилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и былъ прикомандированъ къ Императорскому посольству въ Мюнхенъ. Веселая свѣтская жизнь мало его удовлетворяла. Часто, вернувшись поздно ночью съ блестящаго бала, онъ чувствовалъ себя до крайности духовно утомленнымъ, ни для кого ненужнымъ и съ ужасомъ сознавалъ, что жизнь его никакого разумнаго смысла не имѣетъ. Но въ 1877 г., въ его жизни произошелъ кризисъ, послѣ котораго онъ вышелъ на новую жизненную дорогу. Случилось это такъ. Послѣ одного придворнаго бала въ дворцѣ баварскаго принца Луитпольда, онъ вернулся домой окончательно разочарованный окружающей жизнью. Пустота, безсодержательность, безсердечіе, свѣтская суета, «визгущее коварство и утонченное лицемеріе!» Его охватила тоскливая скука и онъ заснулъ.

Въ эту знаменательную для него ночь онъ увидѣлъ себя во снѣ въ крестьянской избѣ. Въ окнѣ виднѣлась церковь его роднаго села. Онъ былъ окруженъ крестьянскими дѣтьми, бесѣдовалъ съ ними и чувствовалъ въ душѣ такой миръ, такую радость, какихъ на яву онъ уже давно не испытывалъ. Этотъ сонъ повторился нѣсколько разъ. Неплюевъ увидѣлъ въ немъ настоящее откровеніе программы разумной жизни и рѣшилъ послѣдовать ей.

«Я понялъ,—говоритъ Николай Николаевичъ,—что отъ насъ, людей образованныхъ и состоятельныхъ, зависитъ многое въ святомъ дѣлѣ умственного и нравственнаго преображенія русскаго народа; понялъ, что грустное духовное состояніе нашего бѣднаго народа есть результатъ антихристіанскихъ отношеній къ нему нашихъ предковъ, изъ которыхъ большинство видѣло въ немъ только рабочую силу, слишкомъ долго забывая, что онъ долженъ быть для насъ любимымъ и уважаемымъ о Христвѣ братомъ; что, слѣдовательно, долгъ христіанской совѣсти повелѣваетъ намъ сдѣлать на пользу народа все, что можемъ теперь, когда онъ вступаетъ на новый для него путь сравнительно свободной жизни, къ которой такъ мало приготовила его вѣковая рутинная грустная памяти прошлаго. Понялъ я и то, что, если Баварскій дворъ и дипломатическій корпусъ легко могутъ обойтись безъ меня, дѣти роднаго русскаго народа нуждаются въ моей братской любви во всѣхъ отношеніяхъ, и что самъ я, исполняя по отношенію къ нимъ долгъ христіанской совѣсти моей, воспитавъ изъ нихъ единомысленныхъ и единопдушныхъ со мною о Христвѣ братьевъ, найду въ этой дѣятельности удовлетвореніе всѣхъ вышихъ ду-

ховныхъ потребностей моихъ, что именно это является историческимъ призваніемъ моимъ, какъ русскаго помѣщика, и придасть жизни моей тотъ разумный смыслъ, который и помирить меня съ нею».

Для подготовленія себя къ новой трудовой сельско-хозяйственной жизни, Николай Николаевичъ поступилъ вольнослушателемъ въ Петровскую земледѣльческую академію, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ старательно изучалъ сельское хозяйство и земледѣліе. Затѣмъ осенью, 1880 г., онъ окончательно переѣхалъ въ деревню. Отецъ его, занимающая должность Черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, рѣдко проживалъ въ деревнѣ, предоставивъ безконтрольно распоряжаться всѣми дѣлами по имѣнію главному управляющему. Отецъ во многомъ не раздѣлялъ взглядовъ Николая Николаевича на вещи, а главный управляющій не только относился къ нему враждебно, но и считалъ его пребываніе въ деревнѣ во многомъ для себя неудобнымъ. Несмотря на это, Николай Николаевичъ принялъ десять крестыанскихъ сиротъ на воспитаніе. Полагая, что вся эта затѣя есть лишь временное увлеченіе, отецъ Николая Николаевича далъ ему небольшой домъ у церкви Преображенія среди мѣстечка Янполь. Таково было начало, 4 августа 1881 г., Воздвиженской школы.

Когда Николай Николаевичъ увидѣлъ себя въ старенькой избушкѣ, окруженнымъ ласковыми ребяташками, онъ вспомнилъ свой пророческій сонъ. Это его еще больше укрѣпило въ мысли—отдать всего себя бѣднымъ дѣтямъ, стараясь научить ихъ думать и чувствовать по-христіански. *Сознательная* вѣра во Христа Спасителя и искренняя любовь къ Нему—вотъ главное, что онъ хотѣлъ внушить своимъ питомцамъ.

Всякое доброе дѣло не обходится безъ креста, безъ жертвъ, безъ нравственныхъ страданій. Н. Н. Неплюевъ встрѣтилъ много препятствій и противодѣйствій со стороны разныхъ классовъ окружающаго его общества. Кто подозрѣвалъ въ его безкорыстномъ служеніи ближнимъ «хитроскрытый подвигъ», или выродный расчетъ имѣть даровыхъ интеллигентныхъ работниковъ; кто считалъ его непомѣрнымъ гордецомъ, не желающимъ жить такъ, какъ всѣ живутъ; кто непременно хотѣлъ найти какое-нибудь незаконное новшество въ его школѣ. Нужны были глубокая вѣра въ полезность своего дѣла и сильная любовь къ дѣтямъ и завѣтамъ Спасителя, чтобы устоять среди этой бури несочувствія и недоувѣрія. Богъ помогъ ему перенести всѣ напасти бурнаго плаванія въ житейскомъ морѣ и съ каждымъ годомъ утѣшалъ его

очевидными результатами его дѣятельности. Изъ его школы выходили образованные, честные, искренные, цѣломудренныя люди, которые питали отвращеніе къ разврату, пьянству, картамъ и куренію табака. Ужь за одно это спасибо ему.

Параллельно съ общеобразовательной школой, онъ учреждаетъ, 4 августа 1885 года, сельско-хозяйственную. Послѣ смерти отца Николая Николаевича, переселяются въ деревню его мать и двѣ сестры (одна изъ нихъ—Марія Николаевна Уманецъ—вдова). Всѣ онѣ вполне солидарны со взглядами Николая Николаевича и устраиваютъ подъ его руководствомъ воспитательное заведеніе для дѣвочекъ, 1 октября 1891 г. Вскорѣ при школахъ создается храмъ во имя Воздвиженія Креста Господня (освященъ 11 сентября 1893 г.), и ихъ хуторъ принимаетъ названіе Воздвиженское. Но онъ не оставляетъ своимъ вниманіемъ и другіе хутора своего имѣнія. Въ томъ же 1893 году, онъ основалъ дѣтскій пріютъ на Рождественскомъ хуторѣ, дѣтское общежитіе при Ямпольской народной школѣ и еще женскую сельско-хозяйственную школу.

Къ этому времени его воспитанники, большею частью бѣдные крестьяне, казаки, мѣщане и очень немногіе дворяне, стали взрослыми людьми. Окончивши полный курсъ наукъ въ низшей и высшей школахъ Неплюева, они успѣли любовно привязаться къ нему, какъ своему духовному отцу. Понятно, они не въ силахъ были разстаться съ нимъ. Да и самъ Николай Николаевичъ боялся выпустить ихъ изъ своей ограды, потому что они, еще неокрѣпшіе, молодые, зеленые отпрыски духовнаго воспитанія, легко могли бы заглохнуть среди терній и плевелъ, среди соблазновъ и обольщеній міра, «лежащаго во злѣ». Тогда явилась у нихъ мысль—съорганизоваться въ одну большую братскую общину по завѣтамъ Христа Спасителя и по примѣру общежитій первыхъ христіанъ. Въ слѣдующемъ году (17 сентября 1894 г.) уже былъ утвержденъ уставъ Православнаго Крестовоздвиженскаго Братства и Высочайше дарованы были ему права юридическаго лица.

На именинахъ Николая Николаевича, 6-го декабря 1898 г., мнѣ случилось познакомиться съ нѣкоторыми членами Братства. Всѣ они производили пріятное впечатлѣніе благовоспитанныхъ, скромныхъ молодыхъ людей.

Въ этотъ періодъ моихъ свиданій съ Н. Н. Неплюевымъ, мнѣ немного пришлось бесѣдовать съ нимъ, потому что въ половинѣ

декабря того же года онъ уѣхалъ за-границу. Потомъ намъ долго не приводилось встрѣтиться: Николай Николаевичъ большую часть года проживалъ въ Черниговской губерніи или путешествовалъ за-границею. Я тоже былъ часто въ разъѣздахъ по Россіи. Но онъ напоминалъ о себѣ заочно и письмами, и своими брошюрами.

Въ краткомъ очеркѣ трудно разказать объ организаціи и дѣятельности Крестовоздвиженскаго Братства. Интересующимся этими вопросами я рекомендую прочесть книги самого Н. Н. Неплюева. Въ самый расцвѣтъ Братства онъ высказалъ мнѣ свое затаенное желаніе:

— Согласованіе жизни съ вѣрою есть насущная потребность всякаго христіанскаго государства. Я сдѣлалъ попытку показать, насколько возможно устроить нашу жизнь по заповѣдямъ Божиимъ въ духѣ христіанской любви. Если каждый крупный помѣщикъ послѣдуетъ моему примѣру, то вся Россія покрылась бы оазисами христіанской жизни. Каждый изъ нихъ имѣлъ бы оздоровляющее вліяніи на окружающія села и деревни. Въ концѣ концовъ все государство было бы охвачено стремленіемъ жить по завѣту Христа въ любви и въ братолюбіи.

Но въ это самое время, когда Николай Николаевичъ мечталъ о распространеніи вліянія своего Братства на жизнь всего государства, само Братство переживало болѣзненный кризисъ.

Самое трудное это согласовать братское общежитіе съ свободою каждаго члена. Какъ всякая общественная организація, Братство, конечно, поработаетъ личность. Пока братчики росли дѣтьми, они мало тяготились этою зависимою; но съ возрастомъ, когда у нихъ развилось критическое отношеніе къ окружающимъ явленіямъ и когда явилось желаніе удовлетворить свои умственные и нравственные запросы, у нихъ поднялись въ душѣ протесты противъ зависимости отъ кружка такихъ же молодыхъ людей, какъ и они сами. Многихъ потянуло въ столичные города, къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, къ школамъ музыки, скульптуры и живописи, къ редакціямъ литературныхъ журналовъ. А тутъ появился рядъ критическихъ статей г.г. Меньшикова, Абрамова и другихъ, которыя сильно пошатнули мнѣніе общества о неплюевскомъ общежитіи. Горячіе молодые люди стали уходить изъ Воздвиженска. Братство переживало тяжелые дни... Но эти проливные дожди и разливы рѣкъ всякихъ обвиненій, эти вѣтры злословія какъ на Братство, такъ и на блюстителя его, Н. Н. Неплюева, не могли

сдвинуть воздвигнутаго имъ дома христіанской жизни, потому что онъ былъ основанъ на камнѣ вѣры Христовой и связанъ цементомъ любви Святаго Духа. Братство выдержало бурю съ честью.

Начало нынѣшняго столѣтія Парижъ встрѣтилъ всемірной выставкой. Приѣздъ многочисленныхъ гостей со всего свѣта далъ возможность устроить рядъ различныхъ конгрессовъ. Въ числѣ ихъ намѣчено было продолженіе чикагскаго конгресса религій. Но вся католическая Франція, во главѣ со своимъ архіепископомъ-кардиналомъ Ришаромъ, отшатнулась отъ самой идеи подобнаго конгресса. Сторонникамъ объединенія религій ничего не оставалось, какъ создать рядъ другихъ конгрессовъ, гдѣ бы они могли прочесть приготовленные ими рефераты на выбранныя темы. Между прочимъ назначенъ былъ *Конгрессъ единого человѣчества*. Николай Николаевичъ взглянулъ на него, какъ на симпатичную демонстрацію мира и единенія въ братолюбіи между всѣми представителями разнообразныхъ религій на порогѣ новаго столѣтія. Онъ всѣмъ сердцемъ откликнулся на эту идею и горячо сталъ хлопотать объ осуществленіи конгресса. Въ Россіи Неплюевъ выступилъ съ рядомъ статей „Къ лучшему будущему“ (въ „Книжкахъ Недѣли“ 1899), велъ переписку съ западными представителями, самъ составилъ программу конгресса, готовился выступить на немъ съ рефератомъ о всемірномъ братолюбіи и пр. и пр., Николай Николаевичъ съ радужными надеждами отправился въ Парижъ, гдѣ его сейчасъ же выбрали почетнымъ президентомъ конгресса единого человѣчества и почетнымъ президентомъ одной изъ секцій конгресса спиритуалистовъ.

Главная цѣль конгресса „единого человѣчества“ — пробудить сознаніе единства всего человѣчества, подготовить возможность братскаго единенія между всѣми народами путемъ духовной гармоніи, достижимой только взаимной любовью и дѣятельнымъ братолюбіемъ. Благодаря телеграфамъ, телефонамъ, желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, мы всѣ приблизились другъ къ другу. Солидарность всего человѣчества до того возросла, что малѣйшее волненіе въ самой отдаленной странѣ отражается въ умахъ и сердцахъ жителей сель и деревень всѣхъ европейскихъ государствъ. Понятіе о „вселенской любви“ теперь является чудною, дорогою мечтою и завтра можетъ стать общепризнаною цѣлью стремленій для всего человѣчества.

Но каково же было разочарованіе Николая Николаевича, когда, по открытіи конгресса въ Парижѣ, определились фізіономіи участ-

никовъ и полились ихъ рѣчи не въ духъ евангельскаго мира и любви, а—вражды и злобы. Конгрессъ къ тому же не отличался многолюдствомъ, и собравшіеся, далеко не лучшіе представители государствъ, не могли говорить и дѣйствовать отъ имени всего человѣчества. Господствующій тонъ конгрессу дали представители борьбы и раздора, довольно рѣзко выступавшіе противъ націонализма и Церкви. Николай Николаевичъ не вынесъ оскорбленія священныхъ для него чувствъ, и онъ съ горечью уѣхалъ изъ Парижа, умывая свои руки въ непричастности къ этому собранію въ объяснительной запискѣ, которую онъ напечаталъ въ Россіи.

Время идетъ. Человѣческая драма развивается все болѣе и болѣе. Наступаютъ тяжелые годы для Россіи. Несчастная война, а вслѣдъ за нею кровавая смута... Что же дѣлаетъ Неплюевъ? Сперва онъ молчалъ и наружно былъ спокоенъ, глубоко вѣря въ промыслъ Божій. Его мирное, тихое Братство среди бушующаго океана смуты казалось неприступной скалой для яростныхъ волненій. Контрастъ христіанской жизни братчиковъ, по сравненію съ тяжелою жизнью сель и городовъ южной окраины Россіи, еще больше сказался. Братство блестяло, какъ яркая звѣзда во тьмѣ. Естественно, что Николай Николаевичъ опять вернулся къ прежней мысли о покрытіи всего государства трудовыми братствами. Въ концѣ 1905 г. онъ ѣдитъ въ Кіевъ и печатаетъ брошюру съ призывомъ къ миру и труду. Потомъ онъ разъѣзжаетъ по Россіи и проводитъ всюду тотъ взглядъ, что жизнь надо улучшать путемъ созиданія, а не разрушенія. Онъ призываетъ также духовенство основывать христіанскія трудовыя братства и знакомить со своими взглядами студентовъ Московской и С.-Петербургской духовныхъ академій. Наконецъ, въ сент. 1907 года, онъ сѣбно печатаетъ и разсылаетъ по всей Россіи „Воззваніе“ къ русскому народу для учрежденія Всероссийскаго Братства \*). Призывая всѣхъ „людей доброй воли“, всѣхъ любящихъ Россію и русскую православную Церковь, Н. Н. Неплюевъ говоритъ, что Всероссийское Братство должно имѣть характеръ внутренней миссіи, настоящаго крестоваго похода, задающагося цѣлю спасти Россію съ ея идеальными основами, соответствующими правдѣ Божіей. Онъ призываетъ спасти „самобытную Россію путемъ оздоровленія народной души, понимая народъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій, слоевъ и классовъ, путемъ сплоченія добрыхъ, мирныхъ, созидающихъ элемен-

\*) „Воззваніе Православнаго Крестовоздвиженскаго Трудоваго Братства ко всѣмъ Православнымъ Русскимъ людямъ, любящимъ Россію и Русскую Православную Церковь.“

товъ общества. Проще, онъ предлагаетъ объединиться въ одинъ огромный союзъ людямъ мира и любви для мирнаго прогресса, мирнаго созиданія добра. Этимъ онъ думаетъ „оградить Россію одновременно и отъ неразумной реакціи, возвращающей страну къ той преступной и позорной рутинѣ, которая я подготовила ужасъ и позоръ нами переживаемаго, и отъ не менѣе неразумнаго и преступнаго національнаго самоубійства—отреченія отъ святыхъ идеальныхъ основъ русской самобытности и святаго призванія нашей Россіи“.

Это „Воззваніе“—духовное завѣщаніе русскому народу—было лебединой пѣснью Николая Николаевича. Вскорѣ онъ переселился въ горній міръ, гдѣ изъ всего земнаго собирается любовь, только одна любовь, о которой онъ такъ много думалъ, писалъ и говорилъ.

(Отдыхъ Христ.).

*Ив. Изачель.*



### Протоіерей Григорій Лукичъ Бѣльскій.

14-го февраля сего года въ 1<sup>1/2</sup> ч. по полудни 67 лѣтъ отъ роду скончался заштатный протоіерей Николаевской церкви г. Полтавы Григорій Лукичъ Бѣльскій.

Личность о. Григорія не безизвѣстна духовенству Полтавской епархіи, воспитывавшему своихъ дочерей въ Епархіальныхъ училищахъ, въ виду того, что почившій въ теченіе 14 лѣтъ состоялъ законоучителемъ Великобудицкаго Епархіальнаго женскаго училища и тѣ-же обязанности, по перемѣщеніи своемъ въ г. Полтаву, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ несъ и въ Полтавскомъ Епарх. женскомъ училищѣ.

Почившій о. Григорій былъ сынъ священника, родился въ с. Кротахъ, Пирятинскаго уѣзда, въ 1841 г. Послѣ домашней подготовки поступилъ въ Лубенское духовн. училище въ то тяжелое время, когда инспекторомъ тамъ былъ извѣстный іеромонахъ Поликарпъ, печальная дѣятельность котораго, какъ человѣка и педагога, недавно была описана на страницахъ нашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. По окончаніи курса Лубенскаго училища, почившій перешелъ для продолженія образованія въ Переяслав-

скую Дух. Семинарію, которую и окончилъ въ 1861 г. однимъ изъ первыхъ студентомъ (3 ученикомъ изъ 108 окончившихъ). Объ ученическихъ годахъ почившаго о. Григорія намъ почти ничего неизвѣстно, но по отзывамъ его товарищей, онъ былъ въ высшей степени примѣрный и аккуратный воспитанникъ, чрезвычайно даровитый, скромный и отзывчивый. Незадолго до своей смерти почившій о. Григорій какъ-то вспоминалъ, что за все время своего ученія онъ ни одного разу не былъ наказанъ даже такимъ любителемъ всякаго рода экзекуцій, какимъ былъ о. іеромонахъ Поликарпъ, чѣмъ похвалиться можетъ не всякій изъ воспитанниковъ этого суроваго педагога.

Намъ неизвѣстно достоверно, что помѣшало почившему о. Григорію поступить по окончаніи семинарскаго курса въ Дух. академію или университетъ для полученія высшаго образованія, къ чему онъ имѣлъ сильное стремленіе, но не ошибемся, думаю, если скажемъ, что причину этому было желаніе прійти скорѣе на помощь многочисленной семьѣ своего отца, состоявшей изъ 4 сыновей и 2 дочерей, при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, нуждавшихся въ образованіи. Какъ бы то ни было, но осенью 1863 г. почившій о. Григорій рукоположенъ былъ во священника къ Іоанно-Богословской церкви с. Хаенокъ, Прилукскаго уѣзда, на приходъ, который числился за нимъ въ теченіе двухъ лѣтъ, со времени окончанія имъ семинарскаго курса. С. Хаенки—это то, что называется медвѣжьимъ уголкомъ, расположено среди лѣсовъ на границѣ Черниговской губ. Но и въ этомъ уголкѣ, къ счастью о. Григорія, среди его прихожанъ нашлось нѣсколько родовитыхъ, вполне образованныхъ и интеллигентныхъ семействъ, которыя сразу увидѣли въ молодомъ священникѣ незауряднаго сельскаго батюшку и оцѣнили его по достоинству, открывъ ему свободный доступъ въ свои библіотеки и поручивъ занятіе со своими дѣтьми. Нѣкоторые изъ его учениковъ впоследствии заняли, да и теперь занимаютъ видное служебное и общественное положеніе, до конца дней сохранивъ къ наставнику и руководителю своей юности чувства искренней привязанности и глубокаго уваженія. Пастырская дѣятельность о. Григорія въ с. Хаенкахъ не была заурядною. На первыхъ же порахъ своей службы ему пришлось столкнуться съ темнотою и невѣжествомъ своихъ пасомыхъ, со многими обычаями и суевѣріями, противными христіанской жизни и нравственности. Почившій о. Григорій со всею усердіемъ принялся за просвѣщеніе своихъ прихожанъ. Для этого онъ, кромѣ церковной каѳедры, съ которой неустанно проповѣдывалъ истины христіанской

вѣры и жизни, открылъ у себя приходскую школу, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самъ былъ и учителемъ и законоучителемъ. Первыя сѣмена христіанскаго просвѣщенія были посеяны въ этомъ приходѣ о. Григоріемъ. Въ настоящее время такая дѣятельность священника составляетъ явленіе обыкновенное, но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ она была рѣдкимъ и пріятнымъ исключеніемъ, невольно обращающимъ на себя вниманіе. За 15 лѣтъ службы почившаго о. Григорія въ с. Хаенкахъ между нимъ и прихожанами установилась весьма тѣсная духовная связь. Прихожане всей душой полюбили своего батюшку, не жалѣвшаго для ихъ пользы ни времени, ни силъ.

Дѣятельность почившаго о. Григорія, какъ приходскаго пастыря и особенно, какъ законоучителя, сдѣлалась извѣстна, не смотря на дальность разстоянія его прихода, въ Бозѣ почивающему архіепископу Полтавскому Іоанну, который, послѣ личнаго съ нимъ свиданія, предложилъ ему занять мѣсто священника при Великобудицкомъ женскомъ монастырѣ и вмѣстѣ законоучителя и инспектора классовъ существовавшаго при немъ Епархіальнаго женскаго училища. Какъ ни тяжело было почившему разставаться со своими прихожанами, онъ согласился однако на сдѣланное ему предложеніе, такъ какъ оно съ одной стороны какъ нельзя болѣе соответствовало его природной склонности къ учительству, а съ другой — съ этимъ переходомъ открывалась возможность болѣе удобнаго и дешеваго воспитанія многочисленной и уже подроставшей семьи. Это было въ 1879 году. Время службы почившаго о. Григорія при Великобудицкомъ училищѣ было временемъ полного процвѣтанія этого училища во всѣхъ отношеніяхъ, когда тамъ училось до 200 воспитанницъ, преподавалась музыка и даже иностранные языки. Всѣмъ этимъ училище было обязано своему инспектору. За свою дѣятельность въ этомъ училищѣ о. Григорій неоднократно удостоивался благодарности какъ со стороны Синодальныхъ ревизоровъ, посѣщавшихъ это училище, такъ и со стороны лицъ, посылавшихся Епархіальными архіереями, равно и со стороны сихъ послѣднихъ. Отчеты о состояніи этого училища, ежегодно печатавшіеся почившимъ о. Григоріемъ на страницахъ Епарх. Вѣдомостей, и въ настоящее время представляютъ большой интересъ. Къ тому же и служба монастырскаго священника, по нѣкоторымъ причинамъ, не можетъ быть названа одною изъ легкихъ; но и съ этой стороны почившій о. Григорій оказался на высотѣ своего призванія. Прослуживъ 14 лѣтъ при монастырѣ, онъ оставилъ по себѣ во всѣхъ насельникахъ его добрую память и глубокое къ себѣ уваженіе, непрекращавшіяся и послѣ его ухода.

Въ 1893 г. почившій о. Григорій, въ цѣляхъ воспитанія дѣтей, по прошенію былъ перемѣщенъ въ г. Полтаву. Послѣ непродолжительной службы при Покровской на Павленкахъ и Рожд.-Богородичной на Подолѣ церкви, онъ въ 1895 г. былъ перемѣщенъ къ Николаевской церкви г. Полтавы, гдѣ и прослужилъ 10 лѣтъ до выхода своего заштатъ. По перемѣщеніи въ Полтаву, онъ, какъ опытный и извѣстный законоучитель, былъ приглашенъ для преподаванія Закона Божія въ Епархіальное женское училище; кромѣ того, исполнялъ нѣкоторыя должности по порученію Епархіальнаго начальства и епархіальныхъ съѣздовъ духовенства, вездѣ отличаясь примѣрною аккуратностію и исполнительностію. Характерная черта его, какъ законоучителя, состояла въ томъ, что онъ никогда не являлся на уроки безъ надлежащей подготовки. Зная въ совершенствѣ свой предметъ, онъ тѣмъ не менѣе къ каждому уроку всегда готовился основательно; отчего и уроки его отличались живостію, ясностію и глубокимъ интересомъ. Строгій къ себѣ, почившій о. Григорій требовалъ такого же серьезнаго отношенія къ дѣлу и отъ своихъ учениковъ, не дѣлая имъ въ этомъ дѣлѣ никакой поблажки изъ глубокаго убѣжденія, что такія поблажки не приносятъ добра. По этой причинѣ, можетъ быть, и слылъ у воспитанницъ, какъ строгій преподаватель. Но этотъ строгій въ теченіе года законоучитель, на экзаменахъ въ то-же время оказывался всегда самымъ снисходительнымъ, поддерживалъ, насколько возможно, своихъ ученицъ, всѣми силами стараясь не причинить огорченія ни имъ лично, ни ихъ родителямъ, въ родѣ передержки, или оставленія на повторительный курсъ. Среди Полтавскаго духовенства почившій о. Григорій былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ. При его громадной начитанности, проповѣди его отличались глубокимъ смысломъ и превосходнымъ изложеніемъ. Эту черту дѣятельности почившаго отмѣтилъ на поминальномъ обѣдѣ товарищъ почившаго о. Григорія по семинаріи, кафедральный прот. Ѳ. Д. Лазурскій, заявивъ, что по его личному убѣжденію и по отзывамъ др. компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, покойный былъ однимъ изъ лучшихъ и самыхъ интересныхъ церковныхъ проповѣдниковъ г. Полтавы. При чемъ достопочтимый о. протоіерей выразилъ желеніе, чтобы проповѣди о. Григорія были напечатаны въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и даже изъявилъ свою готовность содѣйствовать этому дѣлу. Почившій же о. Григорій, по своей скромности, въ послѣднее время совсѣмъ не печаталъ своихъ проповѣдей, а напечатанныя прежде въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ относятся къ періоду его службы при Великобудищскомъ монастырѣ.

Переходя къ характеристикѣ почившаго о. Григорія, какъ чело-  
 вѣка, мы прежде всего должны упомянуть о его необычайной  
 скромности, благодаря которой онъ, при своихъ недюжинныхъ  
 способностяхъ, чрезвычайной начитанности и освѣдомленности во  
 многихъ предметахъ, однако никогда не игралъ какой-либо вы-  
 дающейся роли и всегда оставался какъ бы въ тѣни. Немало  
 способствовали этому прямота и честность характера почившаго—  
 качества, которыя къ сожалѣнію немногими цѣнятся въ настоящее  
 время. Глубоко правдивый и честный самъ по себѣ, онъ положи-  
 тельно ненавидѣлъ всякую лесть, угодливость и низкопоклонниче-  
 ство, при помощи которыхъ люди часто пріобрѣтаютъ себѣ силь-  
 ныхъ покровителей и друзей и достигаютъ степеней извѣстныхъ.  
 Имѣя среди своихъ учениковъ и знакомыхъ немало лицъ, зани-  
 мающихся, какъ сказано раньше, видное служебное и общественное  
 положеніе, онъ тѣмъ не менѣе всегда отклонялъ дѣлавшіяся со-  
 стороны ихъ лестныя предложенія и ходатайства о перемѣнѣ  
 мѣста своей службы и вообще своими связями и протекціями ни-  
 когда не пользовался ни для себя лично, ни для близкихъ ему  
 людей, считая такой способ устройства своего положенія и дви-  
 женія по службѣ недостойнымъ порядочнаго челоѣка. Объясняется  
 это еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что почившій всегда болѣе или  
 менѣе равнодушно относился къ матеріальнымъ благамъ; вслѣд-  
 ствіе чего не оставилъ своей многочисленной и далеко неустроен-  
 ной семьѣ никакихъ средствъ; мало того, и самъ по выходѣ за-  
 штатъ, при дороговизнѣ жизни и скудости получаемой имъ пенсіи,  
 жилъ благодаря поддержкѣ своихъ дѣтей. На незнакомаго почив-  
 шій о. Григорій съ перваго разу производилъ впечатлѣніе чело-  
 вѣка замкнутаго и мало общительнаго; наоборотъ, всякій, кто  
 имѣлъ возможность съ нимъ поближе сойтись, очаровывался его  
 умомъ и обращеніемъ и навсегда сохранялъ къ нему потомъ са-  
 мыя лучшія чувства. Деликаность его въ обращеніи съ людьми  
 была поразительная. Даже отъ близкихъ къ нему людей онъ  
 стѣснялся принимать какія либо услуги, въ которыхъ часто при  
 своей слабости нуждался, боясь чѣмъ-либо ихъ стѣснить. Состоя-  
 на службѣ и часто подвергаясь разнаго рода заболѣваніямъ, онъ  
 въ то-же время никогда не позволялъ себѣ обременять своихъ  
 сослуживцевъ просьбами замѣнить его въ нужныхъ случаяхъ и  
 всегда пріискивалъ для этого за извѣстное вознагражденіе сто-  
 роннее лицо. Вообще въ отношеніяхъ къ своимъ сослуживцамъ и  
 подчиненнымъ онъ былъ въ высшей степени корректнымъ и ни-  
 когда не позволялъ себѣ не только какого-либо некрасиваго по-

ступка, но даже неосторожнаго и оскорбительнаго слова, которымъ такъ легко бываетъ иногда унижить въ другомъ его человѣческое достоинство. Намъ остается еще отмѣтить его чрезвычайную любовательность. Чтеніе было самымъ любимымъ занятіемъ почившаго, за которымъ онъ забывалъ все: и свои немощи и свои семейныя и служебныя непріятности. Читалъ онъ рѣшительно все, что ни попадалось, благодаря чему былъ умнымъ и глубоко образованнымъ человѣкомъ, бесѣда съ которымъ всегда доставляла большое удовольствіе.

Почившій о. Григорій отъ природы не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Кромѣ того, за свою жизнь не мало перенесъ всякаго рода болѣзней и нравственныхъ страданій; отчего въ свои шестьдесятъ семь лѣтъ онъ производилъ впечатлѣніе восьмидесятилѣтняго старца. Въ сентябрѣ м. 1905 г. съ нимъ случилась большая непріятность: возвращаясь съ какой-то требы домой на извожикѣ, онъ выпалъ на мостовую, вслѣдствіе того, что лошадь понесла, испугавшись на встрѣчу ѣхавшаго мотора; при чемъ получилъ сильныя ушибы и переломъ двухъ реберъ. Послѣ этого случая онъ окончательно ослабѣлъ и въ ноябрѣ м. того-же года вынужденъ былъ подать прошеніе объ увольненіи его заштатъ. Шагъ этотъ былъ самымъ тяжелымъ въ жизни почившаго. Послѣ возвращенія отъ Владыки и подачи имъ прошенія объ увольненіи отъ службы, родные первый разъ, мож. быть, въ жизни увидѣли на его глазахъ слезы, и когда спросили его о причинѣ, то почившій приблизительно отвѣтилъ: «своимъ поступкомъ я самъ себя подписалъ смертный приговоръ, потому что жизни безъ дѣла я не признаю». Мысль о томъ, что онъ теперь лишній человѣкъ на свѣтѣ, тяготила его до самой смерти. Окруженный ласкою и вниманіемъ всѣхъ членовъ своей семьи, послѣдніе два года почившій о. Григорій проживалъ въ своемъ небольшомъ домикѣ, приобретенномъ имъ незадолго до выхода заштатъ на одной изъ окраинъ г. Полтавы, да и то при матеріальной помощи одного изъ своихъ учениковъ, извѣстнаго русскаго поэта В. Л. Величко, сохранившаго къ своему учителю до самой своей смерти чувства глубокаго уваженія и почтительности. Вслѣдствіе болѣзни и слабости, онъ рѣшительно никуда не выходилъ и проводилъ все время за чтеніемъ, съ большимъ интересомъ слѣдя за обновленіемъ своей родины и церковной жизни, о недостаткахъ которой онъ всю жизнь свою глубоко скорбѣлъ.

Заупокойную литургію и отпѣваніе почившаго о. Григорія 17-го февраля совершилъ Преосвященный Владыка Іоаннъ въ

сослуженіи городского духовенства въ Кладбищенской церкви г. Полтавы, куда прахъ его былъ перенесенъ наканунѣ. Память почившаго была почтена надгробнымъ словомъ, сказаннымъ во время каноника, свящ. Ѳ. Булдовскимъ, а при отпѣваніи весьма почувствленную и правдивую, въ смыслѣ характеристики, рѣчь произнесъ товарищъ о. Григорія по семинаріи, прот. о. Іоаннъ Галабутскій.

Миръ праху почившаго о. Григорія! Да упокоить Господь душу его со святыми! К.

## РѢЧЬ,

сказанная прот. Іоанномъ Галабутскимъ при погребеніи заштатнаго протоіерея Г. Л. Бѣльскаго.

*Смерть и гробъ и судъ насъ ожидаютъ, обличающій дѣла вся. (6 пѣснь канон. изъ чина погреб. священ.).*

Да, почившій дорогой собратъ и товарищъ, видишься сокрушеннымъ, яко сосудъ скудельничій, елей твоей многоболѣзненной жизни угасъ. Еще нѣсколько дней бесѣдовавшей съ нами, заключенъ въ тѣсныя узы гроба, бездыханенъ, мертвенъ... Никто не прерветъ твоего безгоднаго сна, никто не нарушитъ твоего вѣчнаго покоя! Такова тайна смерти. Утрѣ, едва жити начнемъ, егда миръ приобрящемъ, по вечеру отлагаемъ всякое благолѣпіе, — всего лишаемся, во гробъ вселяемся, съ мертвыми погребаемся! И тако смерть и гробъ и судъ насъ ожидаютъ, обличающій дѣла вся!

Я знаю тебя, дорогой товарищъ, отъ дней юности, со школьной скамьи, какъ аккуратнаго и трудолюбиваго воспитанника, и то, что помню о тебѣ, драгоценно и поучительно для всѣхъ. Не стремлюсь цѣнить твои свыше 40-калѣтніе труды пастырства и законоучительства: они не нуждаются въ такомъ непризнанномъ цѣнителѣ, хотя вѣдомы Богу и людямъ. — Одолѣвавшіе чрезъ многіе годы жизни тебя физическіе недуги, потери семейныя и служебныя утѣшенія, значительно сократили у тебя тотъ разцвѣтъ, кото-

рый былъ присущимъ твоей богато одаренной натурѣ; задерживаемой въ развитіи въ роскошный цвѣтокъ, часто по немощи естества. Но въ душѣ твоей воспитались и окрѣпли такія дорогія качества, которыя такъ рѣдки въ нашъ индифферентный вѣкъ. По истинѣ, по слову царе-пророка, ты уподоблялся блаженному мужу, такъ какъ никогда не льстилъ языкомъ своимъ и тѣмъ не причинялъ зла ближнимъ; ты твердо памятовалъ, что языкъ—малъ огонь, и коль велики вещи сожигаетъ (Іак. 3, 5). Какой это цѣнный даръ въ наше время, когда изворотливость, ловкость въ обращеніи и медоточивыя рѣчи въ общежитіи считаются желаннымъ и симпатичнымъ дѣломъ, созидавая льстецу множество друзей!

Правдивый, трезвый, неподкупной честности твой образъ мыслей и нравственныхъ правилъ властно царилъ во всю твою жизнь, въ проявленіи твердаго характера, чуждаго шатаній сѣмо и овамо. Въ немощномъ отъ болѣзней твоёмъ тѣмъ виталъ духъ силы, который вездѣ и во всемъ искалъ только правды.

Сребра своего ты не давалъ въ лихву: да у тебя вообще матеріальныя средства были въ презрѣніи. Чужды ты были заботы о нихъ, хотя часто, особенно въ періодъ воспитанія дѣтей, нуждался въ кофѣйкѣ; но воспиталъ въ нихъ родственныя, основанныя на любви и согласіи чувства, тотъ миръ, которымъ крѣпко стоитъ и держится благосостояніе семьи. Знакомыя съ нуждою и лишеніями, дѣти твои навыкли къ труду, отъ плодовъ котораго въ послѣдніе дни твоей жизни, по выходѣ заштатъ, питали и тебя, при скудости пенсіи въ наше дорогое время.

Ты оставилъ дѣтямъ небольшую собственность, прибрѣтенную тобою за счетъ доброхота, котораго ты наставлялъ и руководилъ во дни его юности. Невелико это обезпеченіе для твоихъ сиротъ, но цѣнно, какъ даръ, ниспосланный свыше. Навыкнувъ трудиться, они оцѣнятъ дорогое наслѣдство отца взаимною другъ другу помощію, миромъ и согласіемъ, которыя дороже многихъ тысячъ злата и серебра.

Вотъ твои, дорогой товарищъ, дѣла, съ которыми ты предстанешь на судилище Христово!

Но какъ человекъ, плоть носяй и въ мірѣ живяй, ты могъ имѣть вольная и невольная согрѣшенія, яко нѣсть че-

ловѣкъ, вже живъ будетъ и не согрѣшитъ. Напутствуемый любовію дѣтей, окружавшихъ твой одръ въ дни болѣзни и такъ желавшихъ приложится тебѣ лѣтомъ живота, прими съ ними и отъ насъ возносимыя о тебѣ молитвы ко Христу, да вчинить ты во обителяхъ святыхъ и да простить тебѣ, по Своей благоути, вся содѣянная согрѣшенія и упокоить въ мѣстѣ свѣтлѣ, гдѣ нѣтъ болѣзни и печали.

Господи силь! скорбящихъ радости и плачущихъ утѣшеніе, плачемъ усопшаго содержимыя твоимъ благоутробіемъ утѣшивъ, и раба Твоего протоіерея Григорія, въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчнаго усопшаго, въ нѣдрѣхъ Авраамлпхъ упокой! Аминь.

*Протоіерей І. Галабутскій.*

## Извѣстія и замѣтки.

*Къ характеристикѣ иезуитской пропаганды въ Св. Земль.*

*Къ характеристикѣ иезуитской пропаганды въ Св. Земль.*

—Иезуиты, занимающіеся религіозной пропагандой на православномъ Востокѣ, прибѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ для совращенія простого и необразованнаго православнаго населенія въ лоно римской церкви. Извѣстно развращающее вліяніе иезуитскихъ школъ, благотворительныхъ заведеній, открытой проповѣди, которыми туземное населеніе Сиріи и Палестины увлечается въ сѣти латинскаго упованія. Книги, журналы и летучіе листки, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ распространяемые иезуитами среди туземцевъ, также оказываютъ свое миссіонерское воздѣйствіе на довѣрчивую паству православной церкви. Наканунѣ большихъ христіанскихъ праздниковъ — Рождества Христова, Пасхи и другихъ иезуиты усиливаютъ свою миссіонерскую дѣятельность и готовятъ для распространенія въ народѣ новыя свои изданія съ опредѣленнымъ назначеніемъ. Такъ, въ самое послѣднее время въ городѣ Триполи въ большемъ числѣ экземпляровъ были отпечатаны на арабскомъ языкѣ листки апокрифическаго содержанія съ явной тенденціей въ пользу спасенія только тѣхъ, кто принадлежитъ къ римской церкви и исповѣдуетъ гавенство папы. Св. Бригитта, говорится въ отмѣченномъ иезуитскомъ изданіи, просила Господа Іисуса Христа открыть ей о Своихъ страданіяхъ на Голгоѣѣ. И Господь отвѣтилъ ей: „да будетъ тебѣ извѣстно, что во время Моихъ страданій въ Меня увѣровали 150 воиновъ, вели Меня закованнаго

въ цѣпи 23 солдата, а членовъ суда надо Мною было 83; поголовъ Моей Мнѣ дали 150 ударовъ, по груди—180, по плечамъ—20 ударовъ; въ одну минуту Я вздыхалъ 120 разъ, влекли Меня веревкой, привязанной къ Моимъ волосамъ и имѣвшей въ длину 23 фута, плевали въ Мое лицо 180 разъ, били Меня по спинѣ и головѣ 6,666 разъ, отрекались отъ Меня 120 разъ, на голову Мою надѣли терновый вѣнецъ изъ 72 терній, изъ коихъ три вонзились въ Мой лобъ; Мнѣ нанесли 1.000 ранъ; воиновъ, ведшихъ Меня на Голгоѳу, было 908, во время Моихъ страданій истекло 38.430 капель крови“. Св. Бригитта, рассказываетъ далѣе, записала это откровеніе Господа и отдала на храненіе латинскому настоятелю Гроба Господня въ іерусалимѣ. Папа римскій, Австрійская Императрица Елисавета и св. Матильда устроили на свои средства серебрянный ковчежець, который и подарили латинскому игумену Гроба Господня для храненія откровенія Господа. Всякій вѣрующій долженъ, записать это откровеніе и постоянно его читать, а также обязанъ читать „Отче нашъ“ ежедневно семь разъ, „Богородице Дѣво“ и „Слава Отцу“ по одному разу ежедневно, долженъ распространять откровенія Господа св. Бриттѣ среди своихъ родственниковъ и знакомыхъ; каждый, кто будетъ исполнять это въ теченіе пятнадцати лѣтъ, получить вѣчное спасеніе, а при жизни своей будетъ пользоваться разнообразными благами, совсѣмъ недоступными тѣмъ людямъ, которые пренебрежительно относятся къ откровенію Господа; тому, кто имѣетъ при себѣ списокъ откровенія, за 40 дней до смерти явится Богородица и откроетъ ожидающее его за гробомъ мздовозданіе и т. д.

Таково по содержанію одно изъ послѣднихъ произведеній іезуитской пропаганды на Востокъ. Оно обѣщаетъ каждому легкое и спокойное достиженіе царства небеснаго. Стоитъ только постоянно читать и распвостранять іезуитскій листокъ, какъ спасеніе уже обезпечено. Не нужны ни христіанская молитва и общеніе съ церковью въ богослуженіи и таинствахъ, ни подвиги и труды во имя Христова, ни добрыя дѣла... Важно лишь слѣпое довѣріе дерзкимъ вождямъ спасенія, необходимо чтеніе апокрифическаго разсказа съ крайне спутаннымъ и наивнымъ содержаніемъ, а все остальное приложится. Апокрифъ и рассчитанъ на простую и необразованную среду да на учащуюся молодежь, которая не въ состояніи оцѣнить его дѣйствительное достоинство, а слѣпо вѣритъ всякому печатному листку. И несомненно, среди простого и довѣрчиваго туземнаго населенія Сиріи іезуитская проповѣдь о легкихъ приемахъ вѣчнаго спасенія вызоветъ сочувствіе. Въ ряду многихъ другихъ приемовъ латинской пропаганды на Востокъ указанныя листки производятъ на православныхъ свое вредное вліяніе и создаютъ опасную вѣроисповѣдную смуту.

Воинствующій католицизмъ предпринялъ новый походъ противъ православнаго Востока. Поводомъ къ новымъ надеждамъ и планамъ Рима относительно православія послужили недавнія

торжества по поводу 1500-лѣтія со дня кончины великаго учителя и святителя православной церкви Іоанна Златоуста, отпразднованныя въ Римѣ съ большою помпою и по особой программѣ, которую выработали римскіе бенедиктинцы, считающіе себя хранителями традицій до раздѣленія церквей. На торжествахъ присутствовали антиохійскій патріархъ мелхитскаго обряда во главѣ многихъ греческихъ уніатскихъ іерарховъ, и отъ лица католиковъ Востока выразилъ папѣ чувства преданности Риму. По окончаніи торжествъ, состоявшихъ изъ величественныхъ богослуженій и юбилейнаго засѣданія, папа Пій X обратился къ представителямъ восточныхъ католиковъ съ слѣдующею рѣчью.

„Дай Бога, чтобы такъ же, какъ мы теперь обнимаемъ васъ въ любви Христовой, мы могли обнять и прочихъ братьевъ и сестеръ, живущихъ внѣ католическаго единства.... Вы, почтенные братья, съ достоинствомъ и честью соблюдаете святыя традиціи своихъ предковъ, вы не щадите труда для обращенія своихъ братьевъ“.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь папы, самымъ яркимъ образомъ провозгласившую миссіонерскій походъ католицизма противъ православія на Востокъ, антиохійскій уніатскій патріархъ Кириллъ заявилъ о полной своей солидарности съ завоевательной папской политикой и о готовности восточныхъ дѣятелей католицизма всѣми мѣрами содѣйствовать церковному единенію двухъ половинъ христіанскаго міра.

На торжествахъ присутствовалъ и львовскій (въ Галичинѣ) уніатскій митрополитъ Андрей Шептицкій, который получилъ отъ папы благословеніе устроить въ Палестинѣ новый миссіонерскій очагъ воинствующаго католицизма. И вотъ, послѣ римскихъ торжествъ Галичина огласилась воззваніями митрополита Андрея „къ русскому народу“ о созданіи уніатской церкви Рождества Христова въ Виолеемѣ, на мѣстѣ рожденія Господа нашего Іисуса Христа, и объ учрежденіи здѣсь монастыря для уніатскихъ иноковъ-студитовъ. Въ воззваніи значеніе этого монастыря и церкви опредѣляется такимъ образомъ: „Учрежденіе это послужило бы въ самомъ близкомъ будущемъ пламеннымъ очагомъ для апостольской миссіи въ цѣляхъ сближенія и вождѣннаго соединенія восточной церкви съ католическою церковью греческаго обряда.“

Ставя своей задачей пропаганду на Востокъ уніи съ Римомъ, латиняне намѣрены противопоставить свое новое миссіонерское учрежденіе просвѣтительной дѣятельности Россіи, рассчитывая, что туземное населеніе будетъ сбито съ толку прозелитизмомъ уніи монахами изъ среды русскаго народа, который до послѣдняго времени былъ въ Святой Землѣ извѣстенъ, какъ горячій и усердный защитникъ и покровитель православія.

Повидимому, дѣло объ открытіи уніатскаго монастыря въ близкомъ сосѣдствѣ отъ православной іерусалимской патріархіи получило уже успѣшное и организованное движеніе. Ближай-

шимъ его вершителемъ является уніатскій священникъ въ Виелеемѣ Петръ Хури, родомъ арабъ, хорошо знающій Востокъ, пользующійся довѣріемъ и расположеніемъ уніатскаго патріарха, онъ энергично принялся за ввѣренное ему дѣло.

Такимъ образомъ, православной церкви грозитъ новая опасность со стороны латинянъ, тѣмъ болѣе чреватая грядущими бѣдствіями, что орудіемъ для ея осуществленія избраны отколовшіеся отъ матери своей православной церкви галичане, принадлежащіе къ вѣтви вліятельнаго и авторитетнаго на православномъ Востокѣ народа русскаго.

(Заим. изъ „Сооб. И. П. П. О.“).

### *Съѣздъ депутатовъ духовенства Пензенской епархіи.*

Съѣздъ депутатовъ духовенства Пензенской епархіи имѣлъ сужденіе по вопросу о церковно-приходскихъ совѣтахъ и пастырскихъ собраніяхъ, въ цѣляхъ выясненія причинъ замедленія въ организациі сихъ учрежденій и для разработкѣ мѣръ къ возможно обширному развитію и насажденію ихъ въ епархіи. Послѣ довольно оживленнаго обмѣна мыслей постановили: I) Принимая во вниманіе, что устроеніе прихода-общины на твердомъ законѣ, какъ это читаемъ въ опредѣленіи Св. Синода отъ 18 ноября 1905 г., не можетъ тотчасъ совершиться (для сего требуется работа законодательная, которая и поведетъ къ перемѣнамъ въ существующемъ строѣ), а между тѣмъ время быстро идетъ и требуютъ безотлагательнаго принятія соотвѣствующихъ мѣръ къ сохраненію и укрѣпленію православной вѣры, огражденію св. церкви отъ всякаго зла, къ благоустроенію и умиротворенію прихода и вообще всей страны нашей,—при помощи Божіей—всячески заботиться объ устройствѣ по всѣмъ приходамъ епархіи и организациі пастырскихъ собраній—въ предѣлахъ епархіи, уѣздовъ и благочинническихъ округовъ, какъ духовныхъ оплотовъ противъ враговъ церкви, вѣры и др. противныхъ истинной христіанской свободѣ теченій. II) Имѣя въ виду пастырей молодыхъ, мало знакомыхъ съ нуждами, запросами и требованіями прихожанъ, во избѣжаніе съ ихъ стороны промаховъ и ошибокъ, намѣтитъ дѣятельности и общую схему церковно-приходскихъ совѣтовъ и собраній, примѣрно, въ слѣдующемъ видѣ: вразумленіе нетвердыхъ въ вѣрѣ и склонныхъ къ отпаденію отъ нея, противодѣйствіе инославной, раскольнической и сектантской пропагандѣ, забота о подъемѣ нравственнаго развитія прихожанъ, изысканіе средствъ борьбы съ обнаруживающимися, въ приходскомъ населеніи пороками, заботы о благолѣпнѣ службъ церковныхъ, о благоустройствѣ храма, кладбищъ, причтовыхъ, училищныхъ и т. п. зданій, о широкомъ распространеніи среди прихожанъ грамотности и образованія, устройство съ этою цѣлью школъ, чтеній, бесѣдъ, бібліотекъ—въ противовѣсъ антирелигіозной и революціонной пропагандѣ,

организация общественной благотворительности на возможно широких началах, непосредственная помощь бѣднымъ, нуждающимся и безпомощнымъ, устройство богадѣлень, лѣчебницъ, страннопріимныхъ домовъ, забота объ изысканіи денежныхъ средствъ для достиженія указанныхъ цѣлей путемъ, напр., самообложенія или сбора добровольныхъ пожертвованій, участие въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ, гдѣ это представляется возможнымъ, гдѣ отъ этого не можетъ произойти недоразумѣній, и гдѣ на это будутъ согласны причтъ, старосты ит. п.

III) Въ виду обнаруживающагося на практикѣ благотворнаго вліянія и полезной дѣятельности лицъ женскаго пола въ проведеніи въ жизнь прихода началъ истинной христіанской нравственности, а также и въ содѣйствіи къ устройству при церквахъ благотворительныхъ учреждений, просить его Преосвященство допустить къ избранію въ число членовъ приходскихъ совѣтовъ лицъ женскаго пола, отличающихся преданностью вѣрѣ православной и христіанской любовью и благочестіемъ.

IV) Для большей прочности пастырскихъ собраній и для того, чтобы участники ихъ не вносили безпорядочности и не отвлекались бы въ сторону, намѣтить и для сихъ учреждений общую схему дѣйствій и рядъ выдвигаемыхъ жизнью и требующихъ отвѣта вопросовъ, примѣрно въ слѣдующемъ видѣ: 1) о мѣрахъ къ поднятію нравственности; 2) о мѣрахъ и способахъ къ введенію однообразія и порядка въ отправленіи церковнаго богослуженія и въ соблюденіи церковныхъ уставовъ; 3) о возвышеніи религіозно-нравственнаго образованія въ приходахъ путемъ церковныхъ поученій, внѣбогослужебныхъ бесѣдъ, законоучительства въ школахъ, частныхъ бесѣдъ съ прихожанами и при требованіи исправленія и въ другихъ случаяхъ; 4) о мѣрахъ къ поднятію вліянія на прихожанъ; 5) о мѣрахъ для борьбы съ невѣріемъ, сектантствомъ, расколомъ, суевѣріемъ, профессиональнымъ нищенствомъ, пьянствомъ, сквернословіемъ и т. п.; 6) объ урегулированіи отношеній между пастырями и пасомыми, 7) о матеріальномъ содержаніи духовенства и т. п.

V) Предначертать въ общихъ положеніяхъ схему и кругъ дѣйствій какъ для церковно-приходскихъ совѣтовъ, такъ и для пастырскихъ собраній, съѣздъ, впрочемъ, этимъ указаніемъ не отнимаетъ права у каждаго прихода и округа выработать свою подробную программу, которая и соотвѣтствовала бы нуждамъ и запросамъ мѣстнымъ, такъ какъ нѣтъ ни двухъ приходовъ, ни двухъ благочинническихъ округовъ одинаковыхъ по своему нравственному облику и своимъ духовнымъ нуждамъ.

VI) Мѣсто и время епархіальныхъ и уѣздныхъ собраній предоставить усмотрѣнію Его Преосвященства, причемъ выразить пожеланіе, чтобы епархіальныя собранія пріурочивались ко времени созыва епархіальныхъ съѣздовъ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ и отвлеченія пастырей отъ приходовъ.

VII) Въ виду того, что пастырскія собранія и церковно-приходскіе совѣты являются еще новымъ дѣломъ, а опыты ихъ касаются весьма важныхъ и жизненныхъ вопросовъ,

желательно, что бы все, касающееся сихъ учреждений,—кругъ ихъ дѣйствій, программа, удача или неудача ихъ, дѣлалось непременно извѣстнѣмъ всѣмъ пастырямъ церкви, какъ примѣры достойные или неудобные для подражанія, чрезъ напечатаніе въ Епарх. Вѣд.—VIII. Во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, когда цѣлости и достоинству церковно-пастырскихъ собраній и церковно-приходскихъ совѣтовъ, угрожаетъ опасность со стороны разныхъ вредныхъ элементовъ, хулителей вѣры, враговъ церкви, доносить немедленно Его Преосвященству и просить Его Архипастырскаго живого содѣйствія, отеческой любви, нравственной поддержки и вниманія къ своимъ соработникамъ. IX) О всемъ вышеизложенномъ записать въ настоящій протоколъ и представить Его Преосвященству на благоразсмотрѣніе.

Резолюція Его Преосвященства на семь протоколѣ послѣдовала таковая: «Прошу пастырей Пензенской епархіи озаботиться въ упованіи на помощь Божію, скорѣйшимъ открытіемъ церковно-приходскихъ совѣтовъ и учрежденій пастырскихъ собраній, выработавъ для тѣхъ и другихъ, на окружныхъ благотворительныхъ собраніяхъ, подлежащія программы и правила».

(Пенз. Еп. Вѣд. № 4).

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЕЛЪ НОВЫЙ ВЫПУСКЪ

# „ТРОИЦКИХЪ ЛИСТКОВЪ“

дополнительнаго счета седьмой (№№ 241—280).

СЪ 12 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ЦѢна 40 коп., съ пересылкой 50 коп.

По 1 января 1908 года вышло всего 1280 №№ листковъ, въ которыхъ на 5158 страницахъ помѣщено болѣе 1700 статей, со множествомъ рисунковъ.

„Троицкіе Листки“ можно выписывать *отдѣльнымъ наборомъ*, для раздачи народу по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. ЦѢна полнаго набора листковъ 9 р. 20 коп. съ пересылкою. При требованіи листковъ частями цѢна ихъ за сотню безъ пересылки 70 коп., съ пересылкою 90 коп.

„Троицкіе Листки“ имѣются сброшюрованными въ отдѣльные выпуски по 40 №№ въ каждомъ. Всѣхъ выпусковъ 32 экз. Цѣна každого выпуска 40 коп. безъ пересылки, 50 коп. съ пересылкою. Выпуски можно выписывать для школьныхъ библиотекъ въ папкѣ. Цѣна 50 коп. безъ пересылки.

„Троицкіе Листки“ можно приобрѣтать въ папкѣ сотнями (10 экз.), томами (6 томовъ—по 200 №№ въ каждомъ). Цѣна каждой сотни 1 р. съ пересылкою. Томы же въ папкѣ высылаются по 2 р. 50 к., въ каленкорѣ 3 рубля съ пересылкою.

„Троицкіе Листки“ съ № 801 по 1000-й содержатъ полное толкованіе на Евангеліе отъ Матвея. Цѣна въ папкѣ 2 р. 50 к., а въ каленкорѣ 3 р. съ пересылкою.

При выпискѣ всѣхъ выпусковъ, или томовъ, пересылка принимается на счетъ Редакціи.

Каталогъ другихъ Троицкихъ изданій высылается *бесплатно*.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск., губ., Редакція Троицкихъ Листковъ.

---

## ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

### *Л. С. Богдановскій*

Полтава, Петровская площадь, соб. д.

Искусствен. зубы на золотѣ и каучукѣ, съ небомъ и безъ неба. Золотыя и фарфоровыя пломбы. Удаленіе зубовъ безъ боли.

(годовое)

---

**Вниманію о.о. настоятелей и старостъ  
церквей Полтавской епархіи.**

За смертію Ефима Евстафіевича Файдыша, ликвидируется его магазинъ церковныхъ вещей въ Кременчугѣ, Полтавской губерніи, Екатерининская улица, собственный домъ.

**РАСПРОДАЖА ПРОИЗВОДИТСЯ СЪ УСТУПКОЙ.**

**Елена Файдышъ.**

---

## Группа студентовъ

(оконч. Полт. дух. семин. въ I разрядѣ) готовить къ экзамену на священника и діакона, къ экзаменамъ и переэкзаменовкамъ во всѣ классы дух.-уч. завед. и первые четыре класса гимназій—мужск. и женск. Подготовка къ экзаменамъ начинается въ г. Полтавѣ съ 1 июня и можетъ вестись по желанію группами и отдѣльно. До 15 мая за справками просятъ обращаться въ г. Ярославль, студ. лица Н. И. Яценко

## ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ СТЕФАНА ФЕОДОРОВИЧА ЕРМАКОВСКАГО

*въ г. Черкассахъ, Кіевской губерніи.*

Принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтировку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами;

**на всевозможную живопись и чеканку, а также на картины масляными красками разныхъ сюжетовъ и малярныя домовыя работы.**

Все вышепоименованное исполняю добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

Исполнялъ иконостасныя работы въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ.

— За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ. —

Фирма существуетъ съ 1879 года:

# МАГАЗИНЪ Г. Я. ОГОЛѢВЦА

(бывшій МОСКОВЧЕНКО—МАЗАНОВА).

Честь имѣю извѣстить, что вслѣдствіе полной

**ЛИКВИДАЦИИ ТОРГОВЛИ**  
НА ВСѢ ИМѢЮЩИЕСЯ ТОВАРЫ  
НАЗНАЧЕНА СКИДКА 15%,

а на ПАРЧУ и всѢ ЦЕРКОВНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ,  
а также и МѢХОВЫЕ ТОВАРЫ—СКИДКА 25%.

ПО ПРИМѢРУ ПРЕЖНИХЪ ЛѢТЪ

на Фоминой недѣль съ Понедѣльника 20 Апрѣля сего года  
→\* БУДЕТЪ \*←

**ПРОДАЖА ОСТАТКОВЪ**  
ПО ОСОБО Пониженнымъ цѣнамъ.

Г. Я. Оголевъ.

При семъ № разсылается объявленіе отъ мага-  
гина Г. Я. Оголевца (быв. Мазанова).

СОДЕРЖАНІЕ:—I. Церковь въ борьбѣ съ пьянствомъ.—II. Выборы на должность церь-  
ковнаго старосты въ селѣ Комаровѣ Кобеляккаго уѣзда.—III. Пасхальная заутреня въ  
Нью-Йоркѣ.—IV. Богъ наставилъ.—V. Н. Н. Неплюевъ.—VI. Протоіерей Григорій Лукичъ  
Бѣльскій.—VII. Рѣчь.—VIII. Извѣстія и замѣтки.—X. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: | В. Терлеуцкій.  
| В. Конопатовъ.

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 20 апрѣля 1908 г.

Полтава, Типогр. Торговаго Дома И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.